

Храм иконы Божией Матери
«Знамение» в Ховрине

ЛАМПАДА

ЖУРНАЛ ДЛЯ ТЕХ, КТО СТРЕМИТСЯ К ИСТИНЕ

№ 3 (108) 2016
май — июнь

Тема номера:
**УЖЕЛИ НАПРАСНО СОЗДАЛ ТЫ
СЫНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ?**
(Пс. 88:48)

- Неугасимая свеча надежды
- Молитвословъ каких не было
- Как церковный хор замуж выдавали

Дарья Данилова

Смерть, где твое жало?

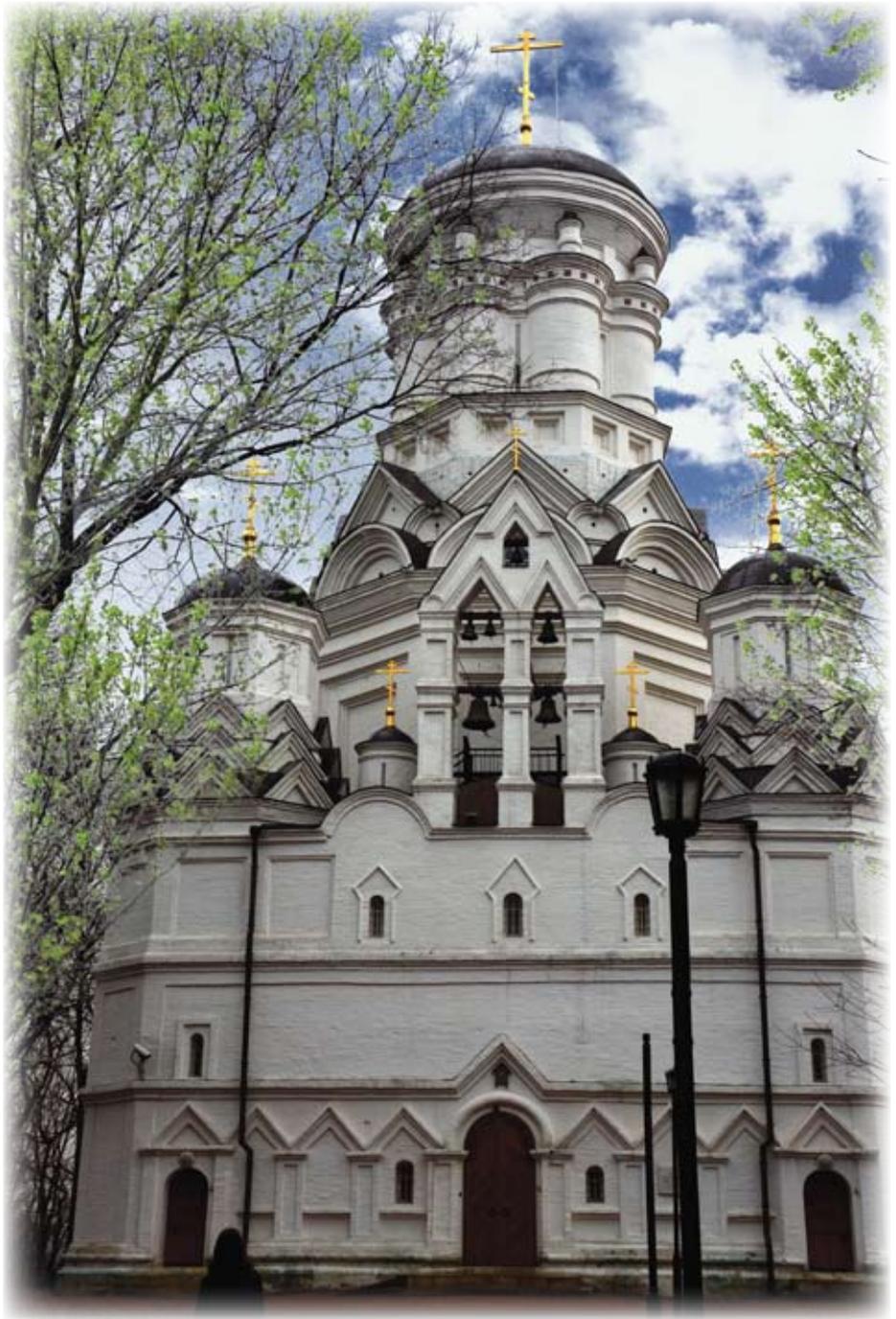
Одинокий, похожий в своем древнем шлеме на старого воина, он вот уже четыреста лет стоит особняком на высоком берегу Москвы-реки, обозревая бывшую царскую усадьбу – теперь заповедник Коломенское. Он был назван в память печального дня Усекновения главы Иоанна Предтечи, и вот что удивительно: снизу, откуда ни посмотри, видна лишь его глава, лежащая на кроне деревьев, словно на блюде царя Ирода.

На противоположном берегу, там, где в старину были заливные луга и разыгрывались для потехи послов роскошные спектакли соколиной охоты, теперь подползает к реке армия новостроек и заводских труб, а с другой, пока еще зеленой стороны заповедника к высокому берегу прилегло древнее языческое капище – Голосов овраг. Подземные ключи и ручьи подмывают склоны, словно овраг пытается затянуть храм оползнем в себя, обратно во времени, в свои дремучие объятия. В овраге этом сохранились два древних моленных камня, будто бы целительных, – женский, Девий, и мужской, Гусь-камень. Валуны привлекают доверчивых – в любую погоду на камнях кто-нибудь задумчиво высиживает себе здоровье и счастье.

Склоны густо заросли деревьями и кустами, в которых прячется ведущая к храму через овраг крутая деревянная лестница. Наверху среди ровно высаженных старых скрюченных яблонь лучами расходятся дорожки. Осенью тут бродят пенсионеры с мешками – собирают яблоки и продают у метро, выдавая за дачные. Иногда в Дьяково (так называется эта часть заповедника) от проспекта заезжают свадьбы, но бродят тихо, чинно: само место зовет к тишине. Внутри церковной ограды лежат поросшие мхом могильные плиты со стертыми фрагментами имен, которые теперь один Бог помнит.

Вышло так, что в свою первую настоящую пасхальную службу я оказалась именно там, в храме Иоанна Предтечи. Никогда до этого я не стояла в храме всю ночь и пошла скорее из любопытства, за компанию с подружкой, которая должна была звонить там в колокола на крестный ход. Я не ждала от службы ничего особенного, просто захотелось хоть раз почувствовать и прожить этот праздник.

Люди шли в храм прямой дорогой от проспекта, мы же с Наташей романтики ради пошли через ночной Голосов овраг. За плечами были рюкзаки с пасхальными яйцами и куличами, а в руках у Наташи – сте-

клянный антикварный фонарь, в котором горела, подергиваясь, толстая, оплывшая свеча. Мы окрестили его фонарем Диогена и пытались шутить, но невольно ускорили шаг: в овраге было темно как в гробу, тянуло сыростью, еле слышно журчал ручей. Под ногами скрипели деревянные ступени, резкий ветер гулял в кронах. Не верилось, что в нескольких метрах над нами начинается светлая пасхальная служба.

Наконец мы поднялись к храму, где уже собирались люди. Приход здесь не-

большой и небогатый, убранство аскетичное, как раз такое, как я люблю: побеленные стены, несколько икон, восстановленный иконостас грозненских времен. Служил отец Александр – серьезный старик-монах, известный тем, что никогда не сокращает служб.

Я попыталась вслушаться в его речь, повторяла про себя все, что могла понять, но рядом стоящая семья отвлекала внимание. У маленькой девочки лет шести слипались глаза, и, глядя на нее, мне тоже

хотелось спать. Мать ее казалась усталой и осторожно зевала в ладонь, а отец был совершенно лысым, без бровей и ресниц, очень бледным, с темными кругами под глазами. Так выглядят больные раком после химиотерапии. Он стоял, широко расставив ноги, и не отрывал глаз от алтаря. По тому, как он иногда тяжело переводил дыхание, по каплям пота на его лбу чувствовалось, что ему тяжело, душно, да еще девочка облокотилась на него и повисла на локте. Она почти дремала, но в нужное время каждый раз исправно поднимала вялую ручку для крестного знамения.

Алтарные мальчики казались торжественно-радостными, но у одного, самого молодого и симпатичного, на выходе из алтаря погасла свеча, и, когда он заметил это, лицо его на минуту омрачилось. В следующий выход свеча снова горела, но парень оставался сосредоточенным. Уж не примета ли какая в их среде... Когда хор запел полунощницу, служба наконец начала меня захватывать, и сразу расхотелось спать. Время в храме потекло иначе.

Приблизился крестный ход. Наташа незаметно вышла из храма, поднялась на колокольню и ударила в большой кампан. Потом еще раз, и еще, через долгие промежутки, ритмично и уверенно. Заиграла перезвон, и люди вслед за священником стали выходить во двор, зажигая на ходу свечи друг у друга. Наташа говорила как-то, что звонарь, наблюдая крестный ход с колокольни в безветренную погоду, видит тонкое огненное кольцо, которое течет то разрываясь, то вновь сливаясь. Но в этот раз резкий ветер тут же загасил почти все наши свечи. Кое-кто нес огоньки в стеклянных фонарях, но таких предусмотрительных было мало.

Рядом со мной горела только одна тоненькая восковая свечка – у той самой девочки. Она ступала мягко, прикрывая огонь от ветра маленькой пухлой ручкой. Мать девочки зажгла от нее свою и поделилась огнем с соседями. Отец помог мне зажечь мою. У него был целый пучок из нескольких больших свечей, слепленных вместе, и пламя трещало и опасно металось на ветру. Но и этот факел погас вслед за нашими, и только девочка продолжала гореть. Все это повторилось несколько раз, мы зажигали свечи друг у друга, а девочка все несла свою неугасимую, осторожно переставляя ноги в высоких стареньких ботинках, прикрывая рукой огонь, глядя на него не отрываясь. Губы ее шевелились. Она чувствовала наши взгляды и важно, сосредоточенно сводила брови, боясь улыбнуться раньше времени. И лишь на секунду подняла глаза, чтобы взглянуть на отца.

Между крестным ходом и выносом Чаши

Он тоже следил за свечкой, и выражение его лица изумило меня. В нем было столько надежды, столько веры в чудо, в этот слабый огонек, в молитву ребенка, в этот крестный ход, что эти чувства передались мне. А вдруг он загадал желание? Подетски загадал: если у дочери свечка не погаснет – он не умрет... Скоро не умрет. Я поймала себя на том, что загораживаю от ветра ребенка с ее свечкой. Я представила отца в больнице под капельницами, химиотерапию, тошноту, головокружения, бессонницу и тоску по ночам, когда остаешься один на один с чем-то страшным, пожирающим изнутри, а утром среди здоровых людей нужно улыбаться, ловить жалостливые взгляды, постоянно чувствовать слабость, утирать холодный пот и думать: сколько еще мне осталось, сколько?..

Но сейчас он, казалось, забыл обо всем, и не только ему, а всем идущим рядом хотелось, чтобы у этой маленькой полноватой сонной девчонки, похожей на матрешку в сбившемся на щеку платке и в капюшоне поверх, – чтобы у нее не погас огонек, пока мы не завершим круг. И мы завершили, и когда она дошла до дверей храма, мне показалось, что идущие рядом облегченно вздохнули.

Отец переглянулся с матерью, и она улыбнулась ему. Улыбка открыла ее привлекательность. Оказалось, у нее симпатичное лицо жизнерадостного человека с грустными глазами, человека, которому довелось испытать горе, но природная тяга к радости и надежде еще жила в улыбке. Нас уже обгоняли идущие сзади и ничего не знавшие про неугасимую свечку. Мы тоже пошли дальше, на второй круг. Теперь мне хотелось, чтобы и моя свеча тоже не погасла, я прикрывала ее рукой, горбилась над ней, приближала ее к груди, но она гасла при малейшем порыве ветра, и каждый раз приходилось зажигать ее от чужого огня.

* * *

Когда я рассказываю эту историю друзьям как историю о чуде, они спрашивают первым делом, жив ли сейчас тот мужчина. Я не знаю, что с ним стало, и онижимают плечами. Ну подумаешь, свечка не погасла. Это еще не чудо. Да, это еще не чудо, но маленькая рука на ветру и еле заметно шевелящиеся губы девочки; но исполненный безумной надежды взгляд ее больного отца и неожиданно радостная улыбка матери – неизменная улыбка веры, из века в век вопрошающей: «Смерть, где твое жало? Ад! Где твоя победа?».

СОДЕРЖАНИЕ

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дарья Данилова
Смерть, где твое жало? 2

УЖЕЛИ НАПРАСНО СОЗДАЛ ТЫ СЫНОВ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ? (Пс. 88:48)

Протоиерей Алексей Уминский – Павел Демидов
Если человек с Богом не связан,
его ценность равна нулю 6

Сергей Мирошниченко – Павел Демидов
С Богом в душе человек рождается 9

Зинаида Миркина
Найти контакт с собственной глубиной 13

Лариса Беляева
Анкета «Лампады»
Скажите, пожалуйста... 14

ЦЕРКОВЬ НЕБЕСНАЯ

Надежда Смирнова
И легко, и трудно 16

ЦЕРКОВЬ ЗЕМНАЯ

Маргарита Шошкина
Батюшка из Красной Дубравы 18

Архивариус
Ничто не проходит бесследно
Чудов монастырь 21

Вадим Рутковский
Испытание Крымом 23

МИР ВОКРУГ НАС

Дмитрий Ломанов
Крымская весна 25

Ирина Корнилаева
Отверзу уста моя 26

Наталья Прохорова
«Молодежка» северной столицы 28

Сергей Яновский
...И ожили тени забытых предков 30

ПРАВОСЛАВИЕ БЕЗ ГРАНИЦ

Ирина Ушакова
Школа братской любви 31

СТРАНА СЛОВ

Дарья Данилова
Вселенная Евгения Водолазкина 32

Евгений Водолазкин
Авиатор (фрагмент нового романа) 33

СТРАНА КРАСОК

Ирина Ушакова
Художник из Тутаева 36

Наш храм готовит книгу избранных бесед, которые были опубликованы в «Лампаде» за последние годы. Если это вас заинтересовало, сообщите автору П. Демидову (его телефон указан в журнале). Это вас ни к чему не обязывает, но поможет точнее определиться с тиражом. Примерная стоимость книги 350 рублей (без пересылки). Книга приурочена к 25-летию возобновления прихода храма, который будет отмечаться в декабре 2016 года.

Храм иконы Божией Матери «Знамение» в Ховрине lampada-press.ru

Настоятель
протоиерей Георгий Полозов

Главный редактор
Павел Демидов

Елена Трубецкая (подписка,
распространение, реклама)

Верстка Иветты Бухаровой

Корректор Нина Орлова

Обложка: Храм свт. Николая в под-
московном Хотькове. Фото Вадима
Рутковского

Адрес редакции:
125414, г. Москва,
ул. Фестивальная, 77а

Телефоны: (495) 453-9101
+7 (963) 962-55-75

www.znamenie-hovrino.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-49478 от 24.04.2012 г.

Выход в свет 05.05.2016

Цена свободная

**Этот номер вышел заботами
раба Божия Александра. Храни
его Господь**

Приход храма иконы Божией
Матери «Знамение» в Ховрине,
г. Москва

Тверское ОСБ 7982/1653 г. Москвы
Сбербанк России г. Москвы
ИНН 7712050269
р/с 40703810938080100250
БИК 044525225
к/с 30101810400000000225
КПП 774301001

Отпечатано
в типографии ООО «Буки Веди».
115093, Москва, Партийный пере-
улок, 1, корп. 58

Контактный телефон:
+7 (495) 926-63-96

Тираж 800 экз. Заказ № С-3273
© Лампада, 2016

И взял Господь Бог человека, (которого создал,) и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его. И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь. И сказал Господь Бог: не хорошо быть человеку одному; сотворим ему помощника, соответственного ему. <...>

И сказал змей жене: подлинно ли сказал Бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с деревьев мы можем есть, только плодов дерева, которое среди рая, сказал Бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете, но

знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи, и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. <...>

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят. И изгнал Адама, и поставил на востоке у сада Едемского Херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни.

Быт. 2:15–18; 3:1–6, 22–24

Если человек с Богом не связан, его ценность равна нулю

Фото Юрия Роста

– «Ужели напрасно создал Ты сынов человеческих?». Вы знаете, это строка из Псалтири. Как вы думаете, к кому вопрос скорее обращен? Действительно к Господу, или к себе, или к человечеству в целом?

– Мне кажется, это крик человеческой души, когда псалмопевец видит, что творится вокруг. Видит мир несправедливости, зла, порабощения греху.

– Нет ли в этом, как теперь говорят, бэкграунда: раньше, мол, было лучше?

– Что все было по-другому? И деревья выше, и трава зеленее? Читаешь Псалтирь, слышишь вопль царя Давида: Господи, что вокруг творится, откуда что происходит, откуда такое беззаконие? Неужели Ты напрасно сотворил человека, если он превратился в такое ничтожество и в такое чудовище? Но реагируем-то мы при этом на картину нашего с вами мира, о котором апостол Иоанн Богослов говорит, что он лежит во зле (см. 1 Ин. 5:19).

– Значит, это не упрек Господу?

– Это не упрек Господу, а вопль отчаяния. Об этом в свое время преподобный Паисий Святгорец написал (воспроизвожу по памяти): «Когда смотришь на мир и видишь в нем столько несправедливости, невинных страданий, катастроф, болезней, горечи, от всего этого можно сойти с ума. И это давно случилось бы со мной, если

По-мирскому, у протоиерея Алексия Уминского два основных места работы, или, по-церковному, два основных послушания. Настоятель храма Святой Живоначальной Троицы в Хохлах и духовник Свято-Владимирской православной школы. Однако этим не ограничивается ни круг его интересов, ни сфера деятельности. Отец Алексей – религиозный писатель («Мы с тобой одной крови», «Тайна примирения», «О чем говорит Христос», «Что я хочу от Бога», «Основы духовной жизни», только-только увидевшая свет книга «Ребенок в семье и Церкви. Как не навредить детской вере» и другие), ведущий телевизионных передач и... автор нашего журнала. Эта встреча – трудно сказать, какая по счету.

Павел Демидов

бы я не знал, что последний ответ все же у Бога». Конечно, мы не можем не ужасаться от того, что творится в мире, не можем не горевать, не можем быть равнодушны к тому злу, которое разливается в этом мире, к тому состоянию, в котором пребывает мир после грехопадения.

– Произошла трагедия: человек пал. За время, что прошло после этого, человек стал лучше, или хуже, или не изменился?

– Все происходит как-то по-разному. Человек становится и лучше, и хуже... Все меняется на самом деле, во многом меняется. Например, что человек стал социально более адекватным к происходящему. Это, конечно, заслуга христианской культуры, христианской антропологии, христианской нравственности. Мы видим, как человечество освободилось от многих социальных болезней: рабства, жесточайшего обращения с детьми, несправедливости по отношению к женщине. Очень многое, что сегодня провозглашается правами человека, прямо заимствовано из христианства, например формулировка отношения к человеку как к величайшей ценности, как к образу и подобию Божию, несущего в себе отображение Самого Бога. Христианская культура, христианская философия, христианская аскетика, христианская наука – сделали очень много, чтобы возвысить самого человека. Но при этом важно не потерять главное. Если человек лишает себя связи с Богом, его таланты могут стать очень сильным и опасным оружием против него же самого. Если все, что Бог дает человеку, тот направляет на самого себя, и только на себя,

он с этого же момента лишается всего дарованного ему. И как итог: если человек с Богом не связан, его ценность равна нулю.

– И чем же это грозит человеку?

– Это грозит миру, который и без того уже достаточно искажен.

– Несовершенство мира наверняка ощущает каждый.

– В Божественном замысле мир достаточно совершенен. Он искажен человеческим грехом.

– Совершенен в своей искаженности?

– Нет. Он совершенен как результат акта творения. Но, повторю, страшным образом искажен человеческим грехом. А человеческое несовершенство может и дальше этот мир ухудшать.

– Этот процесс необратим?

– Отчего же? Стремление человека к Богу может этот мир и просветлять, и преобразовать.

– А грехопадение человека, которое привело к поврежденности всего человечества, – это одномоментный переход в иное качество или начало процесса дальнейшего падения? Процесса, который продолжается и сейчас?

– Без всякого сомнения, последнее. Произошла катастрофа – прервались отношения между человеком и Богом, человек выпал из рук Божиих, разбился, исказился. И это не могло не отразиться, как бы теперь сказали, на судьбах мира. Потому что и человек, и весь видимый мир сотворены из одного материала – из праха земного. Так что искажение человеческой природы не могло не повлечь за собой искажения природы мира в целом. И тут ни-

чего нельзя было поделаться, потому что связка человек – мир есть данность, что называется, от века. В библейском смысле мир был дан в руки человеку. Вспомним Книгу Бытия: Господь в шестой день заканчивает Свое творение, а седьмой объявляет днем покоя.

– **Выходной день?**

– По нашим представлениям – да. В действительности же Божественный покой не означает Божественного безделья. Бог не устраняется от Своего творения. Просто с этого момента на месте Бога, или вместе с Ним, начинает действовать человек. Бог как бы отступает в сторону от Своих дел, уступает Свое место человеку. Если бы человек действовал в соответствии с Божественным миропорядком, мы сегодня не наблюдали бы ту картину мира, которая предстает перед нами.

– **Вечный вопрос, отец Алексей: для чего Господь попустил человеку все это, начиная с грехопадения?**

– Я бы воздержался от применения этого словосочетания – попустил грехопадение. Все, мне кажется, гораздо серьезнее и глубже. Это связано прежде всего с тем, кто есть сам по себе человек. Поскольку человек есть образ и подобие Божие, ему, по факту его творения, принадлежат Божественные дары. Это то, в чем запечатлевает, или отображает, Себя в человеке Бог, то есть Его Божественные свойства. То, что у Бога вечно, бесконечно и совершенно, дается человеку как некая потенция, как некая энергия, некое семя, которое, в той или иной степени, в человеке непременно прорастает. А урожайность, назовем это так, то есть степень, в какой оно прорастает, зависит в значительной мере от той направленности, которую человек своей волей ей придает.

– **Выражаясь опять же по-современному, Бог дает людям равные стартовые возможности?**

– Сегодня, когда на человечестве лежит столько разнообразных и разнонаправленных греховных напластований, трудно говорить о равных стартовых возможностях. Так, скорее, было на заре человечества. Сегодня это больше равные упущенные возможности. Человек может быть бесконечно умен, полон творческой энергии, полученной от Творца. Он должен творить во славу

Божию, а может употребить свой потенциал на изобретение всевозможных видов смертоносного оружия. Что мы нередко и наблюдаем.

– **Как все же быть: попускает или не попускает?**

– Мы подходим к вопросу вопросов и, если хотите, к ответу ответов. Бог дал человеку свободу. Однажды и навсегда.

– **Эта свобода!.. Опять все упирается в нее.**

– А как вы думаете? Бог создал человека по Своему подобию? Создал. Он Сам свободен? Значит, свободен и человек. Свобода – одно из основополагающих свойств человеческой личности. И с этой самой свободой происходит наиболее драматическая коллизия. Господь и человек – две свободные личности – встречаются между собой. И сосуществование двух свобод – это неизбежная проблема.

– **Если это – проблема даже между людьми...**

– А разницы, по существу, никакой. И там и там возможно только единственное условие их сосуществования – сосуществование в любви. А это предполагает, что одна свобода дает место другой свободе. Так происходит в браке, в отношениях любящих людей: они любят друг друга и готовы даровать место другой свободе в своей собственной жизни.

– **Идея жертвенности обязательно при этом присутствует.**

– Мы же говорим о любви. А ее без жертвенности не бывает. И вот здесь происходит непостижимое для нашего человеческого ума: всесильный, всемогущий, вездесущий, абсолютно свободный Бог ограничивает Свою свободу ради того, чтобы могла осуществиться свобода человека. Ибо, если свобода человека не будет осуществлена, он не осуществит себя как человек. Все его Божественные дарования могут быть реализованы только при наличии свободы. В противном случае человек станет роботом, рабом, просто-напросто функцией, но никак не богоподобной личностью.

– **Итак, Бог ограничивает Свою свободу ради того, чтобы могла осуществиться свобода человека. Как это сопрягается со словами Христа из Евангелия от Иоанна: «...без Меня**

не можете делать ничего» (15:5)? Нет ли здесь противоречия?

– Напротив. «Без Меня» – значит без Христа. А без Христа какая может быть свобода?

– **Сложная конфигурация взаимодействия.**

– Сложная, сложная. По этому поводу как раз высказался великий Кант: человек никогда не может быть средством, он может быть только целью.

– **Имеется в виду связь Бог – человек?**

– Да. Человек для Бога никогда не может быть средством. Только когда человек – цель, он реализует себя до конца, причем сам.

– **А для этого у него, насколько я понимаю, должна быть полная свобода.**

– Совершенно правильно понимаете: должна быть полная свобода. А это риск, что она может быть использована весьма разнообразно, пусть даже и с благими намерениями.

– **Звучит даже парадоксально: Бог ограничивает Свою свободу, чтобы человек мог реализовать свою. Честно скажу: звучит не очень приятно.**

– И тем не менее это так. Поэтому – возвращаясь к вашему вопросу – речь идет не о попусчении. Это – данность.

– **Как же должен человек ценить такую жертву со стороны Бога! И как должен быть благодарен Ему за это!**

– И насколько иной в таком случае была бы вся наша жизнь.

– **К вопросу о жизни, отец Алексей. То, что происходит внутри одного человека... То, что происходит между двумя людьми... Между двумя народами... Двумя государствами... В принципе эти явления имеют общую этиологию, все отличается только масштабом, и все это имеет религиозное измерение, да?**

– Думаю, что да. Все большие войны начинались с коммунальных разборок типа «вы не выключили свет в туалете». Начинались со скандалов, с желания отомстить, досадить, настоять на своем. Провести черту: это моя территория, не смейте на нее заходить! Мы приходим в ужас от терактов. Нас охватывает то чувство беспомощности, то негодование, нам горько от смерти невинных людей, мы думаем о том, что

это может случиться в любой момент с каждым из нас. Наша страна за последние десятилетия перенесла такие трагедии... Достаточно вспомнить Буденновск, Беслан, Норд-Ост, московское метро, самолеты, троллейбусы в Волгограде... Не перечислить! И мы еще благополучны в сравнении с тем, что переживает сегодня Европа или чему ужасаемся на Ближнем Востоке. Но надо научиться осмысливать явления, стараться найти их корни. Мы не понимаем, что, когда мы способны в ненависти проклясть кого-то или выкрикнуть оскорбительное «понаехали!», эти теракты, которыми наполнена наша жизнь, пусть в микродозах, совершает каждый из нас, внутри себя. Недавно я прочел в одном из блогов, как некий молодой человек, войдя в вагон метро, набросился на спящего там бомжа, схватил его за волосы, стащил на пол и начал избивать ногами. За что? За то, что этот, как он считает, мерзавец, этот грязный, смрадный недочеловек, посмел оказаться в одном с ним месте. А на станции выбросил его из вагона.

– **Никто, разумеется, за него не вступился.**

– Само собой. Это ли не теракт?

– **Прежде всего внутри самого чистоплюя.**

– И люди с этим живут. Разве не так же рассуждают террористы, взрывающие дома, метро, убивающие заложников? Мнимая справедливость, псевдорелигиозность – для этих людей они нравственная и этическая норма. И самое ужасное, что мы к этому если не привыкли, то сжились как с неизбежной атрибутикой реальности. Попробуйте загасить горящий бикфордов шнур...

– **Если только начать с себя.**

– Наша евангельская вера говорит нам прежде всего именно об этом. Все преобразования в мире мы должны начинать с себя.

– **Как вы думаете, почему так усилилось противостояние? Обострился религиозный фактор?**

– Если вы имеете в виду Ближний Восток, там, на мой взгляд, не стоит преувеличивать значение этого фактора. В этом регионе, в той же Сирии, христиане и мусульмане не всегда жили в мире. Были между ними и

религиозные войны. И тем не менее там сохранялось равновесие. Люди на Ближнем Востоке умеют уживаться. Мусульмане и христиане веками сосуществовали друг с другом. Создавали общие семьи. Имели общих друзей. Ходили друг к другу в гости. Поздравляли с религиозными праздниками. Но когда эти регионы стали объектами манипуляций крупных держав, хрупкий мир, а мир всегда хрупок, – рухнул. То, что происходит сегодня, – это не противостояние ислама и христианства. Это не стояние в вере, не борьба с сатанизмом. Это жуткое вовлечение в бессмысленную бойню огромных масс людей ради корыстных, властных, экономических интересов так называемых третьих лиц. Происходит прямо противоположное замыслу Творца – отдельный человек становится средством, функцией, игрушкой и ровно ничего не стоит в глазах мирового сообщества. Мировая политика сегодня, к сожалению, заточена вот на такой способ устройства жизни на планете. Я очень надеюсь, что у сильных мира сего будут просыпаться человеческие чувства, что политикам, скажем, будет не зазорно прощать других, как и просить прощения за какие-то свои действия. Очень надеюсь, что у них достанет решимости делать шаги, которые будут иметь своим результатом сохранение мира, семей, жизней тысяч и тысяч людей. Что они не будут бояться того, что эти их действия смогут выглядеть слабостью в чьих-то глазах.

– **Если эти люди верующие, их мотивация не может не быть религиозной.**

– А если неверующие – пусть мотивация будет просто этической. Для окружающего мира это не имеет значения. Мировая политика не должна складываться как некое соревнование враждующих группировок, потому что за каждым политиком стоит его народ, который хочет мира, хочет созидать, а не разрушать. Жить в любви и радости во многом зависит от политических лидеров.

– **И последнее, если позволите. Если бы царь Давид задал вам вопрос, который мы сделали темой номера? «Ужели напрасно создал Ты сынов человеческих?». Что вы ответили бы ему?**

– *(Долгая, долгая пауза).* Я бы ответил ему: «Не напрасно». Как у Пушкина?

– **Это уже стало хрестоматийным:**

**Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?**

– Двух великих поэтов – царя Давида и Пушкина – отделяют без малого двадцать веков. Но волнует их одно. И ответ на их вопросы один – из уст великого святого. Помните у митрополита Московского Филарета?

Не напрасно, не случайно

Жизнь от Бога мне дана...

Можно ли к этому что-то добавить?

А.С. Пушкин

*Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль за чем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?
Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью,
Ум сомненьем взволновал?..
Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.*

Владыка Филарет –

А.С. Пушкину

*Не напрасно, не случайно
Жизнь от Бога мне дана,
Не без правды Им же тайно
На печаль осуждена.*

*Сам я своенравной властью
Зло из тёмных бездн воззвал,
Сам наполнил душу страстью,
Ум сомненьем взволновал.*

*Вспомнись мне, Забытый мною!
Просияй сквозь сумрак дум –
И созиждется Тобою
Сердце чисто, светлый ум.*

А.С. Пушкин –

владыке Филарету

*Я лил потоки слёз нежданных.
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.*

С Богом в душе человек рождается Дальше все зависит только от него самого

Редкий год не отмечен у режиссера Мирошниченко главным делом его жизни – документальным фильмом. И еще реже его главное дело не отмечено отечественной или международной наградой самого высокого достоинства, а порою той и другой вместе. Сергей Валентинович – заслуженный деятель искусств России, профессор своей альма-матер ВГИКа, где руководит мастерской неигрового кино, и сам по-прежнему снимает, снимает... У него две государственные премии. Одну получил в 1989 году, еще от советской власти, вторую – почти четверть века спустя, из рук главы государства. И обе – не за «чегоизволите-с?». Его творчество и гражданская позиция всегда одинаково честны, неуступчивы, причем без эпатежа и крикливости, что в мире искусства встречается, согласитесь, не сплошь и рядом. Откуда в человеке берется такое? – задавался я вопросом, готовясь к этой встрече.

Павел Демидов

Фото Сергея Белого

– Сегодня мы, я имею в виду людей вообще, очень далеко ушли от первообраза. Обращение псалмопевца к Богу звучит весьма актуально. Не возникает ли вопрос: для чего тогда Господь создавал человека? Он же задумывал его не таким.

– У меня такой вопрос не возникает. Я склонен считать, что не все люди с искаженной душой и с искаженным сознанием. Иначе мы уже давно жили бы во времени, описанном Иоанном Богословом в Откровении. Думаю, пока еще много людей с высокой степенью духовности, нравственности и культуры.

– Как вы полагаете: мы идем вверх или вниз?

– В целом движемся вроде бы от начала к концу. Но применительно к конкретному отрезку времени это не так. Более того, я думаю, что молодое поколение нравственно чище взрослого. Те, кому сегодня за пятьдесят, эгоистичнее, легче поступают моралью... Это проявляется во всем: в отношении к стране, к миру, я уж не говорю об отношениях между собой. Мы фокусируемся на нашей стране, да?

– Конечно.

– Старшее поколение находится в худшем духовном состоянии.

– То, что вы говорите, очень интересно и неожиданно. Чаще приходится слышать противоположное.

– Я не идеализирую молодежь. У нее тоже всего хватает. Но проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди, порождены нами. Ведь не двадцатилетние завозят наркотики в нашу страну, и не они развращают малых сих, и не они разрушили систему образования, и не они породили глубокое социальное неравенство. Взять хотя бы моих студентов. Они куда

трепетнее и искреннее относятся ко всему, чем наполнена жизнь народа. Я бы сказал: они ближе к Богу, чем их родители.

– В чем выражается эта близость?

– У них есть нравственные принципы, и они действительно их придерживаются. Есть духовные основы, на которые опираются. Если человек верующий, он не стесняется прилюдно перекреститься. Легко и свободно входит в храм. Это внешне. А внутренне – я чувствую, что они хотят и ищут цельности и в этих поисках прошли через трудный, порой драматический опыт.

– Вы не сгущаете краски?

– Отнюдь нет. У многих из них родители, а это, образно говоря, мы с вами, глубоко и давно пали. Так что их дети входят в жизнь, уже изрядно пригубив от горькой чаши.

– Как вы думаете: стремление к чистоте присуще нашей природе или оно возникает как конкретный протест конкретного человека?

– Не берусь судить, но пришла на ум аналогия, а вы решайте сами. Мне кажется, сегодня общество приближается к тому, к чему когда-то пришла Мария Египетская. К пониманию того, что нужно очиститься, измениться. Порой я даже боюсь говорить вслух об этих первых ростках: как бы их не срезали или не затоптали. Но я убежден, что сегодня духовные перемены в обществе более востребованы, чем, скажем, поколение назад.

– Не могу не повторить: такого в последнее время я практически не слышал. То, что вы говорите, звучит обнадеживающе.

– Мне кажется, сегодня движение идет в двух направлениях. Один вектор – постоянное разрушение нравственных, духовных основ. Он динамичен,

ярок. Другой – прямо противоположен. Кто возьмет верх?.. Не нам решать, на это есть Господь Бог. Но мы знаем, где нам надлежит быть – среди тех, кто созидает.

– Чем, по-вашему, объяснить активность первого вектора? Дьявол сильнее стал бороться с Богом, видя наше растущее сопротивление, или, напротив, почувствовал нашу слабость?

– Мне трудно отвечать за дьявола, и не дай Бог за это взяться. Я думаю, что после глубоких потрясений вера усиливается. Так было всегда. Господь попускает встряску именно для того, чтобы народ порвал с ересью. Отсюда и накаты на нас.

– Кто-то может подумать, что вы имеете в виду так называемый вашингтонский обком.

– Берите выше – враг рода человеческого. А средства он может выбирать любые. Допустим, те же материальные удобства и удовольствия. Советским людям, а жителями новой России стали именно они, перенести такие искушения было очень трудно. Чуть ли не стресс, равный войне. Ведь роскоши в советское время не было в том виде, в каком она существует сейчас.

– Люди плакали в заграничных супермаркетах, видя сорок сортов колбасы или сто сортов сыра.

– И вдруг нечто подобное сваливается на нас! Через какие только искушения мы ни проходили в двадцатом веке!.. И полный отказ от собственности, когда все и во всем вроде бы равны. И химера с построением рая на земле, то есть коммунизма. А все по сути не что иное, как отступление от Бога. Мы, старшее поколение, должны понимать свою вину и ответственность за это перед теми, кто

идет нам на смену, и не имеем права морочить молодежи голову несбыточными фантазиями.

– Но возникает вопрос. Не подтолкнет ли это молодых людей к оправданию собственных отклонений, ведь у них тоже всего порядком?

– Думаю, им такое даже не приходится в голову. Они не страдают комплексом нашей вины. Многие озабочены другим: они ищут пространство для нормальной жизни. Это хороший знак. «Отними у другого» еще недавно было лозунгом жизни для многих. Сегодня время этого лозунга проходит. Хотя почивать на лаврах рано. Один из ведущих, очень крупных режиссеров, выступая перед студентами, сказал: «Мой бог – Ницше и его философия». И пояснил: «Это значит: если можешь отнять у другого – отними. Если понравилась чужая идея – возьми ее себе». И это говорилось молодежи. Кто-то эту мораль отторгнет, кто-то задумается, а кто-то примет.

– Но эта с позволения сказать мораль, мне кажется, продукт не столько какого-то времени, сколько определенного типа личности.

– Задатки, согласен, могут быть у личности. Но чтобы они расцвели, нужен определенный социальный чернозем. Его во время нашей ранней зрелости хватало. За верную службу идеологии что только ни перепало с барских столов! И звания, и квартиры, и поездки на фестивали, и финансирование фильмов...

– Вы тоже росли в этом черноземе. Однако не повелись на эти искушения.

– Отчасти, может, и повелся. Не могу сказать, что я идеально чист. Мне просто повезло, что я больше жил в Сибири, на Урале... Там все сдержаннее. В том числе и отношение к жизни, о котором я только что говорил.

– Что такое эти края, я знаю хорошо. Сам прожил много лет на Дальнем Востоке. Там атмосфера нравственно чище.

– Верно. Но подобные тому режиссеру – это люд не провинциальный. Им было чем попользоваться и в 90-е годы, и при Ельцине, и сейчас. Это люди, чье постоянное состояние – потреблять. И особенно – молодые души. Я могу сказать: сегодня для многих из молодых естественное состояние – сосредоточенность. Как быть, как жить дальше. Это очень опасное состояние.

– Потому что легко может повернуться в любую сторону?

– Именно! Тем, кто создал в обществе такую атмосферу, необходимо осознать, что агрессивность, которую они прививают, может повернуться и против них, и пора покаяться за этот пагубный созданный нами конвейер потребления.

– Простите, Сергей, ну, покаются, поплачут, свечку поставят... Дальше – что? Снова грешить, как бывает после того как исповедался?

– Нет. Покаяться – значит прекратить. Или хотя бы стремиться к этому. Покаяние – составляющая нашей веры. А вера, как известно, без дел мертва.

– Вы верите в возможность этого?

– Верю. Если не совесть, то страх должен сказать свое слово.

– Какой страх? Где он? Никого не сажают, ни у кого не экспроприруют... Чего бояться-то? Если говорить о душе – они неверующие люди, судьба души их не заботит.

– Ну, во-первых, я не считаю, что все они неверующие. Я знаю, что среди людей старшего поколения есть люди, которые осознали эту проблему. Например, я сейчас работаю с Владимиром Толстым и вижу, что человек озабочен этим. Таких немало в сфере культуры и политики. И наши напряженные отношения с частью мира я объясняю тем, что там почувствовали зарождающуюся у нас тенденцию. Пока у нас не было этого осознания, мы были неинтересны.

– В чем это осознание проявляется?

– Особенно богатым опытом мы пока не можем похвалиться. Но тем не менее... Мы отказались, например, от чрезмерной толерантности. Мы наконец-то поворачиваемся к родной литературе, к нашим исконным традициям. Иными словами, мы не хотим встраиваться в единую структуру, которую несет глобализм со знаком минус. Не хотим превращаться в среднестатистическую, безликую единицу. Значит, идет осознание. Значит, появляются люди в нашей властной элите, которые задумываются об ином пути. Вне мировой цивилизации мы, понятно, существовать не можем, но иметь свою краску обязаны. Она не должна быть серой. Чем ярче и самобытней она будет, тем лучше. И для нас, и для окружающего мира тоже.

– Вы думаете, окружающий мир так уж будет радоваться укреплению православия в нашей стране?

– Думаю, что яркая, интересная и самобытная Россия интересна во всем мире. Но лучше я скажу о себе. Христианство – это моя религия. Правосла-

вие – моя вера. Мне в ней хорошо. Через православие мне легче дойти до Бога.

– А откуда вы это знаете? Вы проповедовали какие-то другие пути?

– Я бывал во многих странах, жил в Англии. Я видел там религиозную жизнь, хотя лично в ней не участвовал.

– А в чем ощущение, что вам, как вы сказали, в православии хорошо?

– Может показаться странным, но мне православие представляется более демократичным.

– Странно, что оно вам таким представляется или что оно демократично само по себе?

– Все, что нас окружает, каждый воспринимает индивидуально. Свойства того или другого явления, любого установления проявляются лишь в соприкосновении с личностью. Пока этого соприкосновения нет, эти свойства – как отложенный спрос. Так вот, когда я соприкасаюсь с православием, мне хорошо во всех смыслах, и я, естественно, хочу, чтоб это было со мной до конца.

– Но наша Церковь структурирована довольно четко и завуалировано. А вы говорите о демократии...

– Церковь как институт, как структура – это одно. Я имею в виду то, что сегодня любят называть человеческим фактором. Православный священник – это не руководитель прихожанина, а близкий человек, который к тому же не считает себя безгрешным. В том, что наш священник должен быть женат, глубокий смысл. А как иначе понять семейные проблемы, с которыми мы приходим к нему? Кому как, но лично мне сложно открыть душу перед какой-то загородочкой.

– Вы имеете в виду исповедь у католиков?

– Да. Я должен видеть глаза человека, в присутствии которого я открываюсь перед Богом. Как и он должен видеть мои глаза. Для меня так честнее. Исповедоваться искренне очень сложно. Для меня важно и что за человек передо мной. Еще раз подчеркну: я ни в коем случае не даю рецептов, это только мое личное ощущение, которое, знаю, и не очень канонично. Но что есть, то есть... Да мне просто хорошо в православии, хорошо в наших храмах, может быть, это связано с нашей культурой, с моей личной культурой... Я пытаюсь найти этому объяснение и прихожу вот к чему. Наша Церковь перенесла такие потрясения, такие унижения, так исстрадалась, что это не могло не отразиться на всех нас, если даже кого-то эти горести напрямую не коснулись.

– **Что вы имеете в виду: «не могло не отразиться на всех»?**

– Я имею в виду благодать, которой Господь одаривает страдальцев. Тот сонм мучеников за веру, то бесчисленное количество священников и верующих мирян, погибших от рук безбожников, – разве все это может не оставить следа в нашей Церкви? Лично я чувствую ее в любом православном храме, будь то столичный кафедральный собор или скромная деревенская церквушка. Мне одинаково хорошо и там, и там. Мне нравится, что алтарная часть отделена от остального пространства храма, и это дает ощущение тайны – тайны бытия. Нравится, что у нас есть иконостас: я буквально ощущаю на себе внимательные, изучающие взгляды святых, и это заставляет меня внутренне собраться, почувствовать себя воином Христовым и словно предупреждает: чтобы попасть к Нему, нужно очень и очень постараться. А Богородичная часть с Младенцем – для меня это символ надежды на то, что все сладится, все сбудется, ты только веруй, как говорит Господь, и Он простит нас... Да что там: в нашей Церкви мне по сердцу абсолютно все.

– **Это ощущение у вас возникло сразу, как только вы начали воцерковляться? Вы, кажется, пришли к вере уже взрослым.**

– Взрослым я принял таинство Крещения. А мои взаимоотношения с верой начались значительно раньше.

– **Как это было?**

– Первое ощущение существования Бога у меня возникло года в четыре.

– **Так рано?!**

– Мне кажется, человек рождается с этим ощущением. Просто потом у одних его заваливают житейские проблемы, утех, греховные отвлечения, окружение. К счастью, так не у всех.

– **Как было у вас?**

– Мне было четыре года. Вместе с мамой и бабушкой мы поехали на могилу моей прабабушки. Это было весной, снег уже сошел, и я увидел покосившуюся металлическую пирамидку-памятник, как было принято на кладбищах в советское время, правда, с крестиком, а на месте могильного холмика – ямку: это осела земля. И я пришел в ужас: неужели человек рождается только для того, чтобы сгинуть в этой ямке?! Все во мне восставало против этого жуткого открытия. Теперь я понимаю, что это говорило то самое божественное начало, которое заложено в каждом, но тогда... Представляете? – маленький мальчик начинает задумываться

о смысле жизни! Когда мне читали сказки, я-то еще не умел, я стал их преломлять через свое открытие, но и там не находил ответа. Мне не давала покоя мысль, что это бессмысленно и несправедливо – умереть, уйти, раствориться без следа, словно тебя и не было. До чего сильно в человеке ощущение бессмертия его души!..

– **Наедине с такими вопросами всегда трудно оставаться, а уж в четыре года...**

– К отцу не мог обратиться. Он был социалист по убеждению. Мама и бабушка на эти темы старались не разговаривать. Не знаю, к какому времени, но постепенно ко мне стало приходить осознание чего-то очень важного. Если смерть нельзя отменить, значит, так устроен мир. Если так устроен мир, значит, в этом есть какой-то смысл. Если в этом есть смысл, а людям он недоступен, значит, должен быть кто-то, кто все это затеял.

– **Так вы пришли к пониманию того, что есть Бог.**

– Так я пришел к пониманию того, что есть Бог. Пока не к Богу, а к пониманию.

– **Но это, наверное, и есть самый главный шаг в жизни.**

– Я бы назвал это не столько шагом, сколько процессом, причем довольно длительным. С малолетства я стал понимать, что, оказывается, могут быть события, явления, просто какие-то сюжеты, которые приходят в твою жизнь не спросясь, и ты ничего не можешь с этим поделать. Нельзя по-марксистски, примитивно объяснить: все находится в причинно-следственной связи. И остается одно – принять.

– **Это уже подступы к смирению и пониманию Промысла Божия.**

– А по мне, так это – еще одно подтверждение того, что Бог дал человеку все для его спасения. Почему мы этим не пользуемся?..

– **Причем, заметьте: со времен грехопадения. Царь Давид даже отчаялся от такого упорства. «Ужели Ты напрасно создал нас?!» – воззвал он к Богу. Что же говорить нам, сегодняшним, с таким гигантским негативным багажом? Ваш случай, надо сказать, довольно необычный. Вы, можно сказать, прорастали верой сами по себе.**

– Я бы не сказал. У нас, например, была огромная библиотека, мама собирала книги и альбомы по искусству, и я хорошо помню, что, еще не понимая, внимательно рассматривал эти альбомы, а там что в первую очередь? – религиозные, библейские сюжеты. И в моей памяти первыми запечатлелись зрительные

образы Христа, Божией Матери, апостолов... Я стал требовать объяснения: что это такое? Живя среди книг, я, понятно, не мог не читать. Увлекался романтической литературой, а там – рыцарские походы, крестоносцы, монахи... Гроб Господень... И опять вопросы...

– **В советское время пытливые взрослые получали начала церковного образования из справочника атеиста, а вы – из приключенческой литературы и художественных альбомов.**

– Вроде того. А сколько дали сказки! И западные, и наши. Если внимательно читать, понятно: многие из них – о христианстве, в конечном счете – о Боге. А потом уже и разговоры с бабушкой, с мамой. Я узнал, что у нас были священники в роду. Были и пострадавшие за веру. Так я постепенно пришел к осознанию того, что я – человек, который верит в существование и иной жизни. А уже в институте я почувствовал, что я буду исповедовать христианскую веру именно в православии.

– **Но, мне кажется, почувствовать можно, когда хоть что-то уже знаешь.**

– С чего начинается изучение русского изобразительного искусства? С иконы. У нас был педагог, Николай Николаевич Третьяков. Он так вдохновенно читал курс... Он же потом стал и моим крестным отцом. Удивляться ли, что мы стали ходить к отцу Валериану?

– **Кречетов? Который в Акулове?**

– Тогда это называлось Отрядное. Отец Валериан – проповедник выдающийся. Он и сейчас один из самых ярких священников. Помню, выходили из электрички, а там кругом терновник рос. Смеялись: через тернии к храму. На втором курсе, очень хорошо это помню, я окончательно решил: креститься.

– **Что-то послужило толчком?**

– Да. Поездка на остров Залит.

– **К отцу Николаю?! Тогда понятно.**

– Ехал-то я не к нему, а снимать фильм о рыбаках. О батюшке я вообще ничего не знал. Помог, как ни забавно, местный парторг. Мы должны были получить разрешение и рекомендации от советской тройки – руководителя колхоза, секретаря парторганизации и председателя месткома. Желторотые студенты разворачивают перед ними панораму творческих планов, они слушают, рыбаки собрались, слушают тоже... А потом парторг говорит: «Мы ничего в этом не понимаем. Вот у нас есть батюшка просвещенный, идите к нему и расскажите, чего вы хотите снимать. Как он скажет – так и бу-

дет. Потом и приходите». Я не был еще крещен, но чужим в церкви себя не чувствовал: сказало общение с Николаем Николаевичем, с отцом Валерианом.

– **Первое впечатление от отца Николая. Помните?**

– Простота. Открытость. Свобода. Тогда он был еще очень мощным физически, хотя худощавым и легким. Чувствовалась внутренняя собранность. Встретил нас радостно. Играл. Пел. Разговаривал с нами обо всем. И сказал: «У вас там есть режиссер. Тарковский. У него скоро выйдет фильм о том, как интеллигенция потеряла веру». А через полгода на экраны вышел «Сталкер». Я только потом узнал, что на «Рублеве» у Тарковского одним из консультантов был отец Николай Гурьянов. Тогда батюшка еще был в Псково-Печерском монастыре. Отец Николай хорошо знал многих творческих людей, и от общения с ним иные из них приходили к вере. Когда спустя полгода я смотрел «Сталкера», я вспомнил его слова. В этих встречах и беседах прошло дня два-три. Наконец он привел нас в свой храм. И тут все, собственно, и решилось. Но как? В духе евангельской притчи.

– **Интригуете, Сергей Валентинович.**

– И мне интрига открылась не сразу. На стенах храма, обращенных к озеру, ласточки свили, наверное, сотни гнезд, и оттуда постоянно вылетали птицы. Отец Николай подходит ко мне и говорит: «Владыка написал, что я должен сбить все эти гнезда, они, мол, портят вид, отвлекают прихожан... У меня к вам просьба... Вот вам палка – сбейте, пожалуйста...». Я стою с этой палкой... Стою, стою... Отец Николай смотрит на меня, ждет... «Знаете, батюшка, – говорю ему, – простите, но я не буду сбивать гнезда. Я лучше уеду и не буду снимать фильм, я понимаю, что должен помочь вам, но... я не могу». Он говорит: «И я не могу. Снимайте с Богом свое кино. Люди на этом острове – это такие же ласточки, твари Божии. Вы снимите так, чтобы они отсюда не уезжали, чтобы свою родину берегли». Дал мне Евангелие, иконы. Благословил на то, что я должен креститься. И сказал: «У вас будет тяжелый крестный путь. Вы никогда не станете очень богатым, у вас не будет шикарной жизни. Вы просто будете нести свой крест до конца». Не знаю, что он имел в виду, я пока не могу этого понять...

– **Вы считаете, сбылось пророчество батюшки?**

– Как посмотреть. Если со стороны – вроде бы да. Ни шикарной жизни, ни богатства, по жизни не летаю на кры-

льях удачи. Скорее – иду, порой медленнее, чем хотелось бы. Но я-то считаю, что хорошо живу.

– **Это же прекрасно! Не дай Бог, чтобы было наоборот. Я, например, тоже считаю, что вы хорошо живете. В смысле правильно.**

– Ой... Человеку жить правильно, по-моему, просто невозможно. Он весь в грехах, как корабль в ракушках.

– **Правильно – значит понимать то, что вы только что сказали, и стараться избавляться от ракушек.**

– Спасибо за утешение. Вот что очень важное хочу сказать! Мне удивительным образом встречались в жизни именно те люди, которые в тот момент мне были особенно нужны. Как образец. Как поддержка. Как напутствие. Разве это не милость Божия?!

– **Отец Николай занимает особое место? Можно сказать, его остров стал для вас материком.**

– Именно! Мы и курсовую работу – фильм о рыбаках – назвали «Остров». Кстати, бригада из советского колхоза оказалась старостой храма. Помню его как сейчас. В семьдесят лет пальцами стальные гвозди гнул... Отец Николай дал нам старинную песню, которую мы вписали в сценарий. В ней рифмуется: ловцы – удалцы. А ведь это из Евангелия. Именно рыбаки стали, по Христу, ловцами человеков. Благодаря отцу Николаю у нас изменился весь строй фильма.

– **А у вас – и строй жизни.**

– Во всяком случае, четко определился. Теперь и студия моя так же называется – «Остров». Вернувшись в Москву, я сразу крестился. У отца Валериана. Нас было трое: младенец, я и блаженный. Вот такое малое стадо... Мои дети тоже крестились у него.

– **Много их у вас?**

– Три девочки.

– **Жена, конечно, тоже верующая.**

– Она человек очень глубокой веры. Когда мы встретились, она была крещеной, но по-настоящему дорогу к храму мы начинали вместе.

– **Вы назвали милостью Божией людей, которые вам встречались в жизни. Кто это кроме отца Николая?**

– В доме у Третьякова собирался цвет православной интеллигенции. Княгиня Ксения Петровна Трубецкая, Юрий Лощиц, Михаил Бармин, Сергей Фудель, матушка Серафима, будущая игуменья Новодевичьего монастыря... Что ни имя – целая вселенная. Я никогда не забуду Пасхи, которые отмечались у Николая Николаевича. В маленькой советской

квартирке оказывалась такая концентрация интеллекта, веры, культуры, которых хватило бы, наверное, на целую страну. Я чувствовал себя в этой среде мальчишкой, но отдавал отчет, где я нахожусь и с кем общаюсь.

– **Так и хочется сказать: как вам повезло!.. Но я понимаю: это – не везенье, не фарт.**

– Я уверен: это Божия милость. И Божия мудрость, которая знает, кто в чем и когда нуждается. Я не могу не сказать и о своих близких. Мама – из питерской интеллигенции, была очень скромным человеком, можно сказать, подвижницей. Я не видел людей такой глубокой веры, это особенно проявилось в последние годы жизни. Она уходила в ясном сознании, понимала, что с ней происходит. До конца жизни решала математические задачи, считая это тренировкой мозга. Сила ее веры меня потрясла. Мне стало очень не хватать ее... Пусть не покажется странным, но мама вернула меня к тому, о чем мы говорили в начале беседы. Она была педагог Божией милостью. И именно она обратила внимание на примеры настоящей, глубокой веры среди молодежи. Веры сознательных людей. Они современные, образованные, хорошо одеваются, следят за собой, знают иностранные языки. И у них есть сильная, глубокая вера. То, что теперь есть такие люди, меня радует.

– **Вы имеете в виду не только своих студентов? И не только москвичей?**

– Нет, конечно! Пока у нас есть люди, которые воспринимают веру как путь и развиваются внутри нее – душевно, нравственно, интеллектуально, Россия будет жить. Появились молодые люди, которые отважно пошли в этот жесткий мир высоких технологий и низких отношений, в этот сетевой мир. Им в тысячу раз сложнее, чем нам. Они подвергаются таким искушениям, которые нам, возможно, и не по силам.

– **Вы судите по себе?**

– И по себе тоже.

– **А у меня такое ощущение, что для вас, для вашей работы особого значения не имеет, какая политическая погода на дворе. Советская ли власть, перестройка, нынешняя...**

– Это правда. Но это не значит, что я всегда со всем легко справлялся. Потому мне понятны трудности, с которыми сегодня встречается молодой человек. Мне кажется, я в долгу перед теми, кто будет после меня.

– **Пусть это чувство не оставляет никого и никогда. Мир вам, и спасибо за беседу.**

Найти контакт с собственной глубиной

Поэт, переводчик, филолог, философ и просто человек православной веры. Обнародовать ее слово – честь для любого издания. Мы попросили Зинаиду Александровну Миркину ответить на вопросы, связанные с темой номера.

– Когда-то человек пал. Господь попустил это. Значит, цель, с которой он создан, была заведомо недостижима?

– Цель, с которой создан человек, совершенно реальна и осуществима. Человек создан по образу и подобию Божиему, и мы должны воплотить Дух Божий и стать подобными Ему.

А это значит – стать творцами.

Мы же ощущаем себя только творениями, тварями, которые спрашивают с Бога: «Зачем Ты создал столько страдания? Почему Ты не создал для нас лучшего мира?». И т. д., и т. п. Но мы должны не спрашивать, а отвечать. Творец спрашивает с нас. Мы должны быть готовы к ответу. Тогда мы осуществимся.

– Первородный грех – это точка отсчета, от которой начался марафон нашего падения, или одномоментный акт крушения человека?

– Первородный грех совершается все время. Это – отделение человека от Бога. В словах Христа: «Я и Отец – одно» – снятие первородного греха. Грех был и есть не в том, что человек совершил тот или другой поступок. Грех – нарушение воли Божией, нашей последней глубины. Как сказал Антоний Сурожский: «Грех есть потеря контакта с собственной глубиной». Царство Божие, Сам Бог находятся внутри нас, в нашей последней глубине. А мы живем на по-

верхности. Мы ищем Бога вовне. Пока это так – первородный грех длится.

– Сегодня противостояние в мире достигло очень высокого градуса. Верно ли видеть его подлинную причину в ужесточении борьбы (по Достоевскому) дьявола с Богом?

– Да, борьба дьявола с Богом продолжается и ужесточается. Но при этом наша задача – понять, что реален только Бог. Бог не создавал дьявола, бесов. Он создавал ангелов. Бесы – это падшие ангелы. Отпадение от Бога есть отпадение от истинной жизни, от единственной реальности. Самоутверждение на поверхности, где есть множества. Легион – имя им. Бог же Единый Суший – суть мира. Он один на всех, и все религиозные войны есть, по сути, антирелигиозные действия.

– Верно ли тогда допускать, что то же происходит «внутри» религий: в частности, нестроения у нас или борьба внутри мусульманского мира?

– В том, что я только что написала, содержится ответ и на этот вопрос.

– Стало тверже стояние в вере или, напротив, враг почувствовал слабость и решил, что «еще немного, еще чуть-чуть»?

– Ответ на этот вопрос содержится внутри первых трех.

– Духовная работа – процесс, как известно, медленный, можно сказать, гомеопатический. К нему высокие технологии неприменимы. Зато последние – успешное оружие в руках сил зла. Скорости неспоставимы. Добро обречено на отставание? Как быть?

– Добро не меряется скоростью со злом.

У Рильке в сонете («Сонеты к Орфею», перевод мой) есть слова: «Мы так давно обогнали медлящих проводников в вечность...».

Добро существует в вечности, в безграничной действительности (термин Рильке). Зло – в фантомном мире. Оно торжествует, однако оно смертно. Зло на своих сумасшедших скоростях летит в пропасть. Унесет ли оно с собой в пропасть мир или нет, зависит от нас, от нашей духовной работы.

– Большинство людей довольно трезво оценивает критическое состояние, в которое ввергло человечество и себя, и окружающий его мир. Но почему дальше констатации этого факта практически никто не идет, попросту говоря, никто не стремится изменить жизнь? Есть какое-то общее для всех объяснение или все очень индивидуально?

– Ответ на этот вопрос тоже в основном заключен в предыдущих ответах. Люди живут на поверхности и слепы и глухи по отношению к глубине, на которой реальность, бесконечность, Бог.

Мне нечего прибавить к евангельским словам: «Имеющий глаза – да видит, имеющий уши – да слышит». По-настоящему видеть – значит видеть сердцем Бога. Остальное – слепота. Надо учиться видеть и слышать свою собственную и общую всем глубину.

– Может быть, у вас есть стихотворение, которое внутренне перекликалось бы с этой темой?

– Да.

Как трудно Божественной силе!

О, Боже, опять и опять

Мы, люди, Тебя победили.

Тебе ведь нельзя победят.

Твоих победителей много,

А Ты – одинокий изгой,

И все победители Бога

Спешат Его сделать слугой.

Но только служить Ты не станешь,

А, сбросив Свой зримый покров,

Ответишь великим молчаньем

На наш несмолкающий зов.

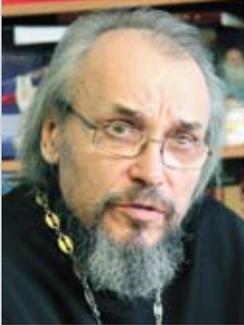
СКРЕПЫ

Любовь к человечеству – словесный блуд. Любовь к человеку конкретному, на нашем жизненном пути Богом данному, – дело практическое, требующее труда, усилия, борьбы с собой, своей ленью.

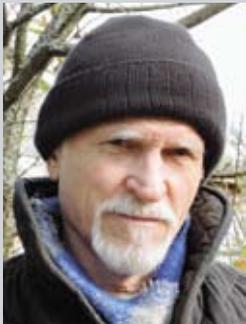
*Архимандрит
Иоанн (Крестьянкин)*

Скажите, пожалуйста...

 <p><i>Вот что ответили нашему корреспонденту Ларисе Беляевой на ее вопросы...</i></p>	<p><i>Священник Владимир Соколов настоятель строящегося храма во имя свв. равноапостольных Кирилла и Мефодия</i></p>	<p><i>Анна Костючкова домохозяйка</i></p>	<p><i>Меркурий Федорович Кузнецов зам. председателя Совета ветеранов г. Ивантеевка</i></p>
<p>Как по-вашему, осталось ли в нас хоть что-то, что отвечало бы первоначальному замыслу Творца?</p>	 <p>Образ Божий. У каждого сохраняется память об этом, только у кого-то она завалена мусором, у кого-то погружена в болото жизни, а кто-то начинает преобразовываться и становится богоподобным.</p>	 <p>Я думаю, что да, в нас много осталось, что отвечало бы первоначальному замыслу.</p>	 <p>Осталось в нас очень много того, что отвечает первоначальному замыслу Творца. Все это в любом случае останется, потому что сделано Господом. Нам не изменить этого, и не нужно менять. Это надо беречь.</p>
<p>Что утратили люди в процессе так называемого развития?</p>	<p>Мир поделился на овец, что суть святые, и на козлищ. Мы впали, по словам святых отцов, в неразумное состояние животных вместо реализации богоподобия и приобретения таким образом бессмертия.</p>	<p>Люди утратили совесть в процессе развития.</p>	<p>Мы не хотим понять, что теряем духовность, понятие любви, понятие уважения и любви к другому человеку как к Божьему созданию. Уходим от правды, зачастую боимся ее и живем во лжи. Это страшно.</p>
<p>Что принес нам технический и технологический прогресс?</p>	<p>Новую природу, которая, с одной стороны, удобна, а с другой – поработает, и человек в ней мучается как винтик всеобщего механизма. Будущее человечества мыслится лишь как замена этих винтиков.</p>	<p>На мой взгляд, это – отступление от Бога. Люди становятся более гордыми и на себя надеются, на технику, на технологии и забывают Бога.</p>	<p>Он уведит в никуда, потому что человеку некогда помыслить, принять настоящие хорошие решения, некогда полюбить по-настоящему, понять, что такое время и что нужно ему сделать для своей души.</p>
<p>Что в первую очередь надо бы изменить в людях?</p>	<p>То, что мы называем животным состоянием. Это и есть результат первородного греха. Впав в животное состояние, мы весь мир мыслим чуждым. Поэтому надо изменить отношение к Богу, к миру и к человеку.</p>	<p>В первую очередь, мне кажется, не в людях, а в себе. Если к людям относиться с любовью, то и они начнут меняться.</p>	<p>Отношение к себе, отношение к людям и отношение к понятию любви.</p>
<p>Что прежде всего следовало бы сделать, чтобы изменить мир в лучшую сторону?</p>	<p>Прежде всего изменить человека. Через покаяние, ибо оно и есть изменение ума и изменение картины мира, при которой человек мыслит себя в жертвенном служении, а не в бесконечном пользовании этим миром.</p>	<p>Себя изменить в лучшую сторону, и мир улучшится.</p>	<p>Воспитать настоящего человека, воспитать по-божески, в тех заповедях, которые даны Богом. Если мы сможем сделать это, тогда и будет жив человек, семья, общество, государство в целом.</p>

<p><i>Светлана преподаватель</i></p>	<p><i>Виктор Михайлович Каслин ген. директор Вердиевского оперного общества, президент Лиги друзей классической музыки России</i></p>	<p><i>Марина Михайловна Дедкова инженер-проектировщик</i></p>	<p><i>Вячеслав Николаевич пенсионер</i></p>
			
<p>Да, осталось: доброта, любовь, отзывчивость... только для их проявления нужна сила духа и вера.</p>	<p>Я не знаю Его замысла, поэтому не могу сказать.</p>	<p>Конечно. Искра Божия есть в каждом сердце. Человек может ее чувствовать или не чувствовать, но он не появился бы на свет, если бы ее не было.</p>	<p>По-моему, от человека как от венца природы осталась оболочка. Душа, данная ему Творцом, национализирована.</p>
<p>Внимание к мелочам, созерцательность, способность жить созерцая, не спеша наблюдать за природой и радоваться любым ее проявлениям.</p>	<p>Я знаю, что существует мнение некоторых, что надо вернуться назад, в природу, что прогресс отрицателен для человека как для хомо сапиенс. Я так не думаю, но вижу в этом смысл.</p>	<p>По-моему, мы как-то перестали задумываться о будущем, что с нами может быть. Живем одним днем, не думаем, что будет дальше. Не задумываемся о том, что сами делаем для того, чтобы будущее было другим.</p>	<p>Единение с природой. Утратив страх перед ней, люди все дальше отделяют себя от природы.</p>
<p>Ускорение во всех сферах жизни. Жизнь несется, как будто даже не замечая саму себя.</p>	<p>Дал людям возможность больше общаться друг с другом, больше узнавать их особенности и обогащать тем самым себя. Минус – это экология, загрязнение. Я не знаю: может быть, это и есть задуманный путь?</p>	<p>С одной стороны, это, конечно, благо, потому что мы научились лечить болезни, облегчать себе жизнь и многому другому. Но прогресс принес и страдания, боль, войны. Без прогресса всего этого не было бы.</p>	<p>Материализацию человеческих отношений. Говоря проще, духовным отношениям люди предпочитают материальную обеспеченность.</p>
<p>Привычку винить в своих неудачах не себя, а кого-то другого: родителей, друзей, коллег, правительство. Нужно научиться ответственности за все, что с тобой случается, и стараться изменить жизнь к лучшему.</p>	<p>Изменить на доброту воинственность, агрессивность, которая, к сожалению, заложена в человеческой личности. Раньше все решала сила, сейчас она же продолжает быть. Сидит в человеке: я – лучше всех!</p>	<p>К сожалению, в последнее время ушло милосердие и прощение. Может быть, люди даже страдают, не понимая, что является причиной этого страдания. Мы к своим ближним и не ближним стали очень жесткими.</p>	<p>Стремление к наживе, зависть и злобу.</p>
<p>Начинать с себя: думать о хорошем, созидать, любить, понимать, прощать, меньше рассуждать и больше делать.</p>	<p>Стараться избавиться от гордыни, потому что мы весь мир представляем: я и мир, а не мир и я.</p>	<p>Каждый человек прежде всего должен изменить себя в лучшую сторону и понять, что есть ты, что у тебя внутри, и через это изменить мир. Когда мы все изменимся, я думаю, мир тоже изменится в лучшую сторону.</p>	<p>Конечно, обеспечить мир на земле. Дать людям возможность не бояться завтрашнего дня, чувствовать себя свободными, духовными и защищенными.</p>

И легко, и трудно Странички из дневника паломника в Святую Землю

Предпоследняя неделя Великого поста. Самолет летит в Израиль, на Святую Землю. Через проход сидят два священника. Один серьезен и читает книгу. Другой, что ближе ко мне, о чем-то задумался. С ним-то захотелось поговорить. Вопрос – ответ, но, похоже, священнику не до меня. Неожиданно выяснилось, что отец Антоний и его друг отец Серафим из абхазского скита в дружбе с настоятелем и братией Воскресенского мужского монастыря, что в Ивановской области. С монастырем, который я люблю и куда регулярно езжу. Вялотекущая беседа перешла в оживленный разговор, какой возникает между близкими людьми, и вот уже посадка. Аэропорт Бен-Гурион. Толпаринулась на выход. Я прошу благословить наше пребывание на Святой Земле.

– Господь благословит.

Для меня это то же, что «Господь все управит». Эту фразу я даже не повторяю специально, она сразу сливается со мной на Земле, в которую мы стремились.

Вечером того же дня – Старый Город, Храм Гроба Господня. Тем, кто побывал здесь, рассказывать не имеет смысла: и так все знают. Тем же, кого только ждет это счастье, мало что донесешь. Как, какими словами передать со-сто-я-ни-е? Если ты не великий прозаик, не гениальный поэт? Привычно шумит пестрая толпа на улочках, торговцы настойчиво предлагают свой традиционный товар...

А внутри – состояние, которое я смогла обозначить разве только разделив это слово на слоги. Времена переплелись. Я – в далеком, непостижимом прошлом и одновременно в настоящем. Где-то, возможно на Масличной горе, после проповеди отдыхает Мессия. Я ощущаю Его присутствие живо и едва ли не материально, хотя иду по направлению к Кувуклии, то есть ко Гробу... А Он – рядом.

В Храме я поначалу растерялась от какой-то вроде бессистемной, струящейся, петляющей в разные стороны разноликой очереди. Все, о чем я читала, разом вылетело из головы. Куда идти? Времени немного, Храм Гроба Господня на ночь закрывается. Но Господь все управит! Первым, кого я увидела, был отец Антоний, с которым рассталась несколько часов назад. Бросилась как к родному. Все встало на свои места.

Мои близкие нашли очередь в Кувуклию, а я пошла с противоположной стороны Гроба Господня в молельню подавать записки коптскому монаху, покупать свечи, иконы. Пока выбирала, откладывала и рассчитывалась, за мной собралась изрядная очередь, но – что значит Место! – никто не ропщет, мои смущенные извинения вызывают лишь понимающую улыбку. Разноголосье песнопений и молитв, оттенков кожи и темпераментов... Ощущение, что богослужение идет непрерывно. Но это не так: паузы между циклами состав-

ляют примерно двадцать минут, однако их не чувствуешь, не замечаешь, их попросту нет! Наверное, оттого, что находишься рядом с Вечностью. Ведь там время живет по иным законам, не так ли?

Все столь значительно, исполнено таких глубоких смыслов, что повседневность, которая окружает тебя, не имеет практически никакого значения. В тот вечер служили католики. Для них это, конечно же, важно, но для меня, для всех вокруг – какая разница? Какая разница, кто служит, если знаешь Кому.

Успела познакомиться с нижегородскими паломниками и получить приглашение на всенощную в русскую миссию. За это время моих, оказывается, отсеки. Остались за лентой ограды. Подхожу к священнику:

– У меня там остались сыновья и муж.

Удивительное дело: обычно дежурные священники, охрана – словом, все, кто приставлен к делу и следит за порядком, не внимают просьбам и не делают исключений: при таком скоплении людей иначе нельзя. Дежурный священник сначала направил и меня за ограду, но вдруг ласково улыбнулся и открыл вход: «Проходите все». Господь все управит!

Вся моя семья в Часовне Ангела и у Гроба Господня... Он и мы, грешные и любимые Им. Там Его любовь ощущается по-особому. Впрочем, так уже было однажды – когда, не отирая слез, прикладыва-

лась к Животворящему Кресту в Годенове, что в Ярославской области. И сейчас, обнимая Гроб Господень, чувствую то же... Прости меня, Господи! Всех нас прости! За то, что спешим, суетимся, за то, что, стремясь ничего не пропустить, все увидеть и понять, как раз-то многое упускаем. Так важно почувствовать, понять для себя и в себе что-то главное, открыть тот Дух, без Которого человеку возможно разве что только существовать.

При Голгофе служили греки. С последним словом молитвы опускаюсь на колени и двигаюсь к месту последних страданий Спасителя, отмеченному серебряным диском. Боюсь оглянуться на своих, не очень привычных: как-то они? Сердце колотится, все же поворачиваю голову. Ползут! Слава Богу за все! Спустившись с лестницы, увидела греческого священника. По-гречески я знала только: *евлогите* – благословите. С этим словарным запасом отважно подхожу. «Грек?». – «Нет, русская». – «Тоже хорошо». И засмеялся.

Долго думала, почему мы прошли Скорбным путем не с начала, а в обратном порядке. Наверное, это было бы дерзко – буквально повторить, к тому же мы здесь словно листаем страницы времени от последней к его началу. Так, во всяком случае, думалось мне, не знаю уж, насколько я права или заблуждаюсь.

У Западной Стены – Стены Плача мне, как православной, вроде бы нечего делать... Прости меня, Господи! Я ведь ни о чем таком для себя не просила – только о мире на всей земле. О мире говорили мы и в шабат, нашу субботу, собравшись вместе вокруг кем-то поставленной на стол бутылочки вина. Эта земля хорошо знает цену мира и цену крови. Крепость Масада – резиденция царя Ирода. Иудейская война, героизм повстанцев, которые погибли, но не сдались римлянам. Остатки дворца, укреплений, домов, бань... Как хотите, но удивительная это страна! Сказать, что прошли десятки веков, – ничего не сказать. А писчик-раввин по-прежнему сидит в конторке за стеклом и переписывает Тору...

Температура под 40 градусов. Что такое Мертвое море? Всем известно: самое низкое место на земле – 413 метров ниже уровня моря; всемирно известные лечебные минералы, плотность воды такая, что можно лежать на поверхности, как на матрасе. А вот что известно тем, кто читал нашего потрясающего миссионера протоиерея Андрея Ткачева: из Мертвого моря не вытекает ни одна река. Оно принимает в себя воды Иордана, но от себя ничего никому не отдает. Может, оттого оно и мертвое: как можно жить только беря и ничего

не отдавая? Не оттого ли, я слышала здесь, некоторые православные священники не благословляют своим паломникам купаться в этой воде? А вот Иордан – это была моя вода. И Средиземное море – тоже мое море.

В Израиле в самом деле происходят подчас необъяснимые вещи. На третий день я, близорукая, сняла очки.

Каталась на кораблике в Акко – различала вдаль даже небольшие суденышки. Чудо? Для меня – еще какое! Но что оно в сравнении с чудесами, живущими на этой земле... Теперь я, например, понимаю, что такое божественная музыка. Эту мелодию до сих пор не повторил ни один музыкант. Она звучит внутри колонны в Капернауме, на берегу Галилейского озера. Возле нее молился Сам Иисус Христос. Надо только прижаться к теплему камню, обнять его, приложить ухо...

Наверное, я была неправа, сказав, что в Израиле происходят необъяснимые вещи. Это во мне сработало наше привычное, бытовое мировосприятие. Если разобраться, как раз все объяснимо. И просто. «Да любите друг друга», – записал слова Христа апостол Иоанн в своем Евангелии. Нужно только любить, а все прочее приложится. В этом я вновь убедилась в Назарете, попав туда в Великий Понедельник. Церковь Благовещения была украшена пальмовыми веточками с минувшего праздника Недели Ваий, по-нашему – Вербного Воскресенья. Стоило переступить порог храма, как ко мне буквально бросился монах, словно только меня и ждал. На каждую бутылочку со святой водой из источника Девы Марии он любовно наклеил свою этикеточку, каждому подарил по свече. В храме Двенадцати апостолов служит всего один священник. Но его любви хватает, чтобы объять нас всех. Такое чувство, что ты для него – одна единственная и самая дорогая. И такое же чувство уносишь в себе из Иудейской пустыни, после посещения лавры преподобного Саввы Освященного.

На страже у входа монах Ефрем. Женщин и иноверцев в обитель не пускают. Капучин-францисканец остался у ворот, а отец Ефрем вынес для поклонения ковчег со святыми мощами, подарил иконки, книжечки, маслище, напоил ароматным

травяным холодным чаем. Принял от нас записки. «Ангел указал Преподобному прийти и поселиться в этом месте», – поясняет инок. Преподобный Савва, по преданию, с ангелами встречался часто, чуть ли не запросто. Наверно, и служители здесь необычные, думаю я. О монахе Ефреме говорят как о прозорливце. И молва из уст в уста передает его пророческие слова, сказанные паломникам. Мне тоже захотелось что-то услышать от него. Я и вставала со скамейки, и несколько раз проходила мимо него. Никакого внимания! Неужели чего-то главного я о своей жизни так и не узнаю, думалось мне. И вдруг монах Ефрем подходит ко мне. Он то ли похлопал, то ли погладил по плечу и несколько раз ласково повторил: «Молись!». Господи, как все просто и как сложно!..

Укрепились ли моя вера после этой поездки? Не знаю... Да и не мне судить. Пусть скажет об этом мой духовник. А может, лучше вовсе не говорить. Есть моя жизнь – она и покажет. Есть мои близкие – они и увидят. Есть, наконец, я сама. И мои поступки. Без них вера моя будет мертва. Как мертво море, которое так и не научилось отдавать. Я вспоминаю... Как легко и как трудно припасть к Вифлеемской Звезде, к месту, где Дева Мария родила Иисуса Христа. Как легко и как трудно взять благословение у сидящих наверху священников, поставить свечи и приложиться к иконе Пресвятой Богородицы – единственной, где Она улыбается после рождения Сына. В Молочном гроте висят многочисленные фотографии детей, которые прислали сюда благодарные родители. Когда-то, до паломничества сюда, это были многие и многие десятки бездетных пар. Читатель может спросить: почему я пишу, что трудно? Потому что теперь нужно жить по-другому. Вот что трудно.

Святая Земля

Батюшка из Красной Дубравы

Летом в селе Красная Дубрава, как и во всей Пензенской области, главная забота – покос. Не запасть в июле сеном – значит голодовать что скотине, что самим. Ведь по сей день почти в каждом дворе своя кормилица – корова, а то и не одна, а еще по паре бычков. Восемьдесят голов – такое стадо из одной только Дубравы выгоняют поутру на луга.

Каждый двор пасет стадо по очереди, получается пастушить по разу в месяц на семью. Тут каждый двор кормит сам себя: не потрудишься или случится засуха, неурожай – голодно селу, денег заработать негде. Мужики попроворней подаются в Москву на временные заработки, но и тогда их жены своих кормилиц – коров не продают: не принято.

Окрестные деревни и села хоть и небогаты, но крепки хозяйством. Тем и живы. У каждой избы за изгородью к концу лета не по одному, а по два, а то и по три высятся ладно сложенных стога сена. Тогда только успокаивается сердце хозяина. Сердце, но не руки – тем всегда есть забота. В такую пору соседкам некогда повидаться, разве что три раза в неделю в продуктовой лавке, когда хлеб из района привозят. Тогда в магазин стекаются загодя, выстраиваются в очередь, старушки по стульям председательствуют, остальные под-

пирают стены – тут можно вволю по-судачить.

Вот и батюшка после литургии напомнил: «Знаю, что всем некогда, знаю, что покос, однако событие у нас больно особое. Через два дня в наш с вами храм привезут частицу мощей Николая Чудотворца! Так что и в Италию ехать не надо. Привезут на два часа, а дальше в Кириллово, потом в Вяземку, и там заночуют. Только вы не подведите: покос покосом, а в храм приведите всех». Что и говорить, событие! Не только для Красной Дубравы. Батюшка верил: кто даже по полгода в храм не ходил, не только сам придет, но приведет и семью.

А что именно в Вяземке Николай Чудотворец заночует, так уж точно не напрасно. Это там тайные монашки спокон века селились, в небезопасные для хранителей веры времена. Было монашествующих в деревне двенадцать человек, послушницы ездили в Рязань

к архимандриту Серафиму за тайным постригом. С виду жили как обычные, на людях не молились, носили темную одежду, только повязывали черный платочек, а к нему не придаться: «Может, она кручинится?» – говорил батюшка. И по сей день еще живут несколько из их числа, согбенных старушек от 85 и старше. Года серьезные, а сами старушки худенькие, маленького росточка, со скромными личиками, укрытыми черными же платками. А и прав батюшка: поныне кручинятся бабули за наше общее отступление от веры.

Зато как сойдутся вместе в вяземской избе-храме – силища! Нынешний настоятель храмов Красной Дубравы и Вяземки отец Иоанн говорит, что сильнее веры, чем у них, не встречал. А еще рассказывал, что храм в Красной Дубраве, где он сам с семьей служит, восстанавливали именно вяземские монашки. Они же и за благословением ездили в Пензу к владыке Серафиму (Тихонову). В их собственном селе храм взорвали в советское время, осталась одна колокольня. Однако построить новый храм пока не удастся, деньги все еще собирают. Да и откуда им взяться – от старух? В минувшем

году всем селом скинулись на колокола – чтобы успеть к Троице. И успели! Может, и храм так же, волей Божией, построятся?

А в Красной Дубраве церковь (ее тоже когда-то открывали вяземские монашки) во времена гонений взорвать не удалось. Говорят, что отмолили ее две слепые инокини, молитва у них была очень сильная. А еще мудрым оказался директор совхоза, Борис Филиппович. До сих пор сельчане, не вспомнив добрым словом, не пройдут мимо его могилки. А придумал он вот что: всю ночь в храм возили телегами зерно, пока не заполнили его до краев. Назавтра, когда приехали взрывать, Борис Филиппович невинно спрашивает: «А куда я хлеб дену?». Зерно, понятно, пожалели, да так и распорядились использовать храм для нужд совхоза. В алтарной части расположилась чещалка – для овечьей шерсти, в остальной – зернодробилка. Со стен на это хозяйство по-прежнему смотрели иконы, что, все понимали, было небезопасно.

Верующие стали потихоньку выносить образа, что в обмен, что на выкуп, прятали по домам. Часть, конечно, погибла, не могло быть иначе. Люди стали возвращать их, когда вновь начали открываться храмы. Кто-то оставил иконы на могиле расстрелянного священника.

Мой родственник Василий рассказал историю своего детства. Мальчишкой лет пяти-шести со своими товарищами он как-то украл с могилы того самого священника церковное распятие. Малыши приняли его за невиданную игрушку, которую им захотелось присвоить. Так и тащили дети заблудшей страны церковный крест с распятым Господом по пыльной сельской дороге, пока их не остановили взрослые.

А были и такие, кто попросту использовал церковную утварь и древние святыни в хозяйстве. В храме Красной Дубравы есть принесенная икона, которая служила дверью в курятнике, а в Кириллове на иконе катались вместо санок. Теперь на стенах храма висят местами покалеченные, но чудом уцелевшие древние бесценные сокровища. Некоторым попросту покрасили обитые края синей краской, чтоб было не так заметно. Синий цвет, надо ска-

Батюшка из Красной Дубравы протоиерей Иоанн Дыреконт с дочечкой Аней

зать, основной в деревенской цветовой гамме. Если внутри избы красят перегородку, отделяющую чулан с русской печкой от горницы, то уж непременно в синий. Того же цвета и погосты. Вот и владыка освятил в 1991 году местный дубравский храм в честь Успения Божией Матери, а Ее цвет – небесно-голубой.

Накануне Петрова дня редкая хозяйка не печет блинов на парном молоке. В селе эта дата почитаемая, местные даже картошку и ту копать раньше Петрова дня не станут: не принято. Мирские дела на селе накрепко привязаны к церковным датам и переплетены неведомыми узам.

В сам праздник верующие загадят, еще до семи, начали стекаться к храму. Тихие старушки чинно рассаживались по лавочкам. Таких в селе много, и у большинства хозяйство свое и двор гладко прибран. На прошлой неделе бежала передо мной по дороге бабушка Елена, да так, что куры разлетались по сторонам. 90-летняя крошечная старушка, а попробуй ее догони! Остановилась только у колодца, быстро набрала ведро, видимо, скотину торопилась напоить.

Сегодня баба Лена не в числе первых, видно, хлопотала поутру, блины пекла, вон в храме горкой стоят на тарелочке с голубой (!) каймой посреди груды куриных яиц, банок с молоком и прочей домашней снеди. Это значит – конец поста. У местных с этим

строго, но теперь уж разговееются в селе. К слову, батюшка с юмором как-то рассказывал, как однажды в пост он, уставший от трудов по храму, пожаловался одной старухе: «Кушать-то как хочется, сейчас бы кусочек мяса...», так та коршуном на него кинулась: «Чу, батюшка! Чу! Мясо у тебе во рте!».

А еще местные говорят, что к Великому посту даже колокол в храме звучит по-постному: «Гол-день, гол-день!».

Местный диалект приезжему человеку не всегда понятен:

– Трактор прибег!

– Собирае?

– Не, ворочае.

Вчера я, дивясь на гигантский размер тыквы, спросила:

– А как ее, такую неподъемную, донести с огорода до амбара?

– А мы ее котом пригнем.

Или:

– Свиной режут у Великий четверг. Апасля солнца всяк не режут.

У всех без исключения: ня надо, ня буду, мяшок, сямь (семь), икалел (окодел), исяню (осенью).

– Батюшка, цаво надьсь у Пензу ездил?

Батюшка сам за тринадцать лет службы заговорил по-местному, с ним и матушка, и их трое деток. Этим они сильно угодили односельчанам – окончательно своими стали. Но сегодня отец Иоанн до окончания причастия был строг. Отчитал шумливых, взирал

от алтаря строго и только раз улыбнулся, когда внесли младенца. Но по окончании литургии, как всегда, расчувствовался, признался, что соскучился по всем, ведь последнее время служил на несколько храмов, в том числе в райцентре, в Земетчине. Там, понятно, и прихожан поболее, и диакон имеется, и регент к хору приставлен. А у себя он на все один-одинешенек. Зато в краснодубравском храме каждый уголок родной, своими руками крашен, шпаклеван, починен. Прихожанки службы знают наизусть: и свечу поднесут на подсвечнике вовремя, и кадило подержат, и певчому делу на свой народный лад обучены, да и сельский юродивый Мишока в алтаре пол помоет.

Каким бы своим ни казался священник, односельчане до панибрательства не доходят. Повстречав на дороге, кланяются, сидящие на скамьях у заборов, завидев, встают. Батюшка рассказывал, как однажды, идя по дороге, издали завидел дерущихся мужиков, поравнялся с ними – мужики драться перестали. Двинулся дальше – они продолжили.

На службе заметно, что батюшка, и правда, соскучился по своим. Ведь знает всех не только поименно и по фамилии, но судьбу каждого. И они все знают о нем, и уже давно привыкли к церковной дисциплине. Вон как сегодня на молебне в нужный момент построились в одну секунду в две шеренги, что даже сам шуточно заметил: «Вы у меня, как в армии, равнение держите, не зря я сержантом служил».

Служба получилась уютная, не-

спешная, будто в горнице у самого Господа погостили. А окропляя крестом, батюшка поливал каждого щедро и с любовью. Несколько старушек проворно подбежали к нему справа, привычно оттопырив на спине ворот кофточек, и он, как всегда, налил им за пазуху. Здесь это обычное дело, и даже по зиме, в лютый мороз, старушки подставляют спины.

Отец Иоанн трижды за год обходит каждую избу, дабы освятить все до единого жилища в селе, а заодно и познакомиться с каждым. Что ни произошло бы, но всяк в селе знает, что батюшка постучит в дверь на Крещение, на Пасху, на престольный праздник Казанской иконы Божией Матери.

А то ведь у сельских свободного времени не бывает. Июль вот к концу приходит, скоро осень – уборка урожая, и тут у каждого на шестидесяти сотках есть где разгуляться. Одной картошки соток по тридцать, а там еще... Все надо выкопать, пересушить, по амбарам и погребам разложить, закрутить по банкам, скотину забить и, главное, найти, кому ее продать, – до декабря работы хватит. За два морозных месяца силы поднакопятся, а там, глядишь, и посевная. Тогда уж только успевай. Об этой поре грозное пожелание страх наводит: «Чтоб к тебе всю весну гости ехали!». Посевная только-только отойдет, так уже травы налились цветами и луговая земляника поспела, значит, пора косить, как вот теперь.

А луга нынче душистые, солнцем нагретые, коровам позавидуешь, хоть сам ешь их с медом. Красота вокруг

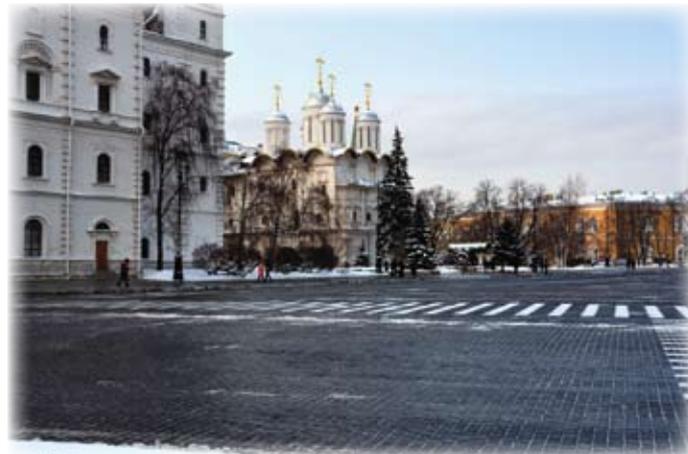
Дубравы неопишная! С одной стороны – поля подсолнухов, за ними до самого озера в Лачинове – сплошь луга разнотравные да ладные копны то тут, то там. С другой – дорога на Сядемку. С дубравами по одной стороне и спелым ячменем – с другой. Смотришь, и взору представляется вся его трогательная красота. А посмотришь в сторону села – картина другая. Ладные избы по всей линии горизонта, копны, стога, а в небе над ними – стая грачей, и там же, словно летящий над землей, – купол храма с колокольней. Еле заметной тропинкой движется женщина с ведрами в направлении луга, по всему видно – идет поить привязанных там телят. Все вокруг покойно, и все идет своим правильным чередом. И от того, что глазу и душе приятно, хочется стать частью картины, войти в нее.

Так и сделала. Вот и батюшкин овес близ церкви поспел. Солнце низко склонилось и багрово осветило кирпичные стены храма. Два бычка пасутся неподалеку, привязанные к церковной ограде, пятнистая батюшкина коза лежит у крыльца. По центральной улице всюду снуют куры всех пород и расцветок, старушки, сидя на лавочке, облокотились на изгородь, мальчишки собрались кругом мотоцикла, мелькает подол женщины, везущей на велосипеде алюминиевый бидон. Сколько времени – семь? Пахнет свежим луговым сеном и малиновым вареньем.

И, кажется, нет лучше времени в Красной Дубраве, чем пора покоса.

Чудов монастырь

Вид на Кремль и территорию Чудова монастыря со стороны Москвы-реки. Фото 1908 года

Сейчас на месте Чудова монастыря – мостовая. Хочется верить: пока

Смутное время на Руси не то чтобы большая редкость – на Руси мало кого чем удивишь. Однако у каждой смуты есть свой окрас – вот что примечательно и памятно. Пора, что пришлось на 1598–1613 годы, получила официальное наименование – Смутное время. Но та, что предшествовала ей, право слово, осталась исторически безымянной только по недоумению.

Вспомним хотя бы 1359 год. Осиротевшему наследнику престола Дмитрию, впоследствии Донскому, еще нет и десяти. Какое уж тут княжение! Но Господь не оставил своими заботами нашу землю – кормило власти удержал сильный и энергичный митрополит Алексей, опекун юного князя и фактический правитель Московского княжества. Это одна из самых ярких фигур в истории Русской церкви. Выходец из среды московского боярства, Алексей (в миру – Алфер, Елевферий Федорович Бяконт) в юные годы увлекся идеями монашества и принял постриг в московском Богоявленском монастыре. Благодаря своим незаурядным способностям и семейным связям он со временем сделался доверенным лицом митрополита Киевского Феогноста, его владимирским наместником. В 1354 году Алексей стал главой всей Русской церкви, а в 60-е годы фактически превратился в первое лицо московского боярского правительства.

Духовный авторитет митрополита Алексея был крепок не только на Руси, но и распространялся далеко за ее пределами. Летом 1357 года его срочно вызвали в Орду, чтобы исцелить от слепоты знаменитую ханшу Тайдулу, вдову хана Джанибека, при котором Золотая Орда достигла наивысшего могущества. Жен-

щина она была серьезная, и подходить к ее исцелению следовало со всей ответственностью и основательностью.

По молитвам святителя Алексея Господь даровал здоровье очам Тайдулы – у ханши быстро восстановилось нормальное зрение. Чудо исцеления произошло 6 сентября, в день, когда Церковь вспоминает чудо Архангела Михаила в Хонех. В благодарность за исцеление святитель Алексей получил участок земли в московском Кремле. Значение этого подарка было огромно – на том участке располагалась ордынская конюшня, и когда ее согласно ярлыку (письменному распоряжению) Тайдулы убрали, Кремль избавился от присутствия ордынцев. С этого радостного эпизода практически и начался долгий процесс освобождения Руси от ненавистного ига.

В память о тех событиях митрополит Алексей основал в Кремле обитель во имя Чуда Архистратига Михаила – Чудов монастырь. Вскоре после пожара летом 1365 года московский святитель приступил к строительству в новой обители небольшого каменного храма в честь Чуда Архангела Михаила в Хонех. Одновременно с возведением монастыря митрополит Алексей помог городу заново отстроить его кремлевские стены. На их строительстве самоотверженно труди-

лись зодчие, мастеровые, рабочий люд и добровольные помощники, собранные святителем для строительства Чудовой обители.

Основатель монастыря позаботился и о его достатке, обогатив кремлевскую обитель «драгоценной утварью, селами, рыбными ловлями». Одним из этих монастырских сел было знаменитое Черкизово, которое Святитель выкупил у своего слуги и передал во владение Чудова монастыря, где оно и оставалось вплоть до секуляризации 1764 года.

В 1378 году святитель Алексей скончался. Когда в 1483 году на территории Чудова монастыря была сооружена Алексиевская церковь, по распоряжению архимандрита Геннадия в нее были перенесены мощи основателя обители.

В 1501–1503 годах древнюю церковь Михаила Архангела сменил храм, возведенный итальянскими мастерами.

История Чудовой обители складывалась чрезвычайно драматично, порою подсказывая захватывающие сюжеты классической литературе. Помните диалог из трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» между монахом-летописцем Пименом и иноком Григорием Отрепьевым, будущим самозванцем Лжедмитрием I, который происходит в келье Чудова монастыря? Следующая за ним краткая шестая сцена происходит в патриарших палатах и сводится к диалогу игумена Чудова монастыря и патриарха. Здесь приводятся те туманные сведения об истинном происхождении самозванца, которые были весьма туманными и для выдающегося русского историка

Н.М. Карамзина и остаются столь же туманными и для современных исследователей той бурной эпохи, которую мы уже упоминали, – Смутного времени.

Игумен сообщает подробности биографии Гришки Отрепьева («сосуд диавольский»), который возгласил: «...буду царем на Москве!». В уста игумена Пушкин вложил те данные, которые на момент создания «Бориса Годунова» были добыты исторической наукой, ставшие основой биографии Лжедмитрия в изложении Карамзина. Имя игумена Пушкиным не названо, но, очевидно, это был Пафнутий, который должен был прекрасно знать Отрепьева. Игумен Чудова монастыря Пафнутий впоследствии активно участвовал в событиях Смуты и был сторонником боярского рода Романовых, из которого вышел первый русский государь этой династии – Михаил Федорович Романов.

Игумен сообщал, что Григорий был из рода Отрепьевых, в миру его звали Юрием, или Юшкой, из Галича, «смолоду постригся неведомо где», жил в Суздале в Спасо-Евфимиевском монастыре, однако и оттуда ушел, «шатался по разным обителям», наконец прибился к «чудовской братии», а он «отдал его под начал отцу Пимену». Гришка «весьма грамотен: читал наши летописи, сочинял каноны святым». А теперь он «убежал».

В 1612 году Чудов монастырь стал местом последних земных испытаний и кончины патриарха Гермогена, почитаемого Церковью как священномученик Ермоген. Двумя годами раньше в результате боярского заговора к власти приходит Семибоярщина – совет из семи бояр, признавший русским царем польского королевича Владислава. В Москву вошли польско-литовские войска. В декабре 1610 – январе 1611 года патриарх Гермоген принялся рассылать грамоты в города и земли Московского царства, «разрешая» (освобождая) в них от присяги королевичу Владиславу и призывая собрать полки, прийти к Москве, изгнать из столицы иноверцев и иноплеменников. Послания патриарха сыграли роль дрожжей, добавленных в тесто. Началось брожение. Из этого народного брожения, первоначально мутного и беспорядочного, выросло великое подвижническое дело земского ополчения. Именно оно в конечном итоге и сыграло решающую роль в освобождении Руси от польских захватчиков.

Поляки и их приспешники из московских бояр арестовали Гермогена. Сначала они отправили его на Патриар-

ший двор, где содержали под стражей. Однако у Святителя нашелся сильный защитник. Прокофий Ляпунов, рязанский воевода и верховодец поднимающегося земского движения, прислал в Москву требование облегчить участь первоиерарха. Положение Гермогена несколько улучшилось, и он с удвоенной энергией начал писать свои послания русским патриотам. Для поляков он превратился в злейшего врага – в нем они видели вдохновителя русского сопротивления. Вскоре его перевели с Патриаршего двора на кремлевское подворье Кирилло-Белозерского монастыря, что возле Фроловских ворот, при древней Афанасьевской обители. Но и там Гермоген продолжает писать свои призывы.

Подземелье Чудова монастыря стало последним пристанищем Гермогена. Поляки спускали ему на веревке пищу и воду – через окно. 17 февраля 1612 года патриарх Гермоген скончался от голода и общего физического истощения. Спустя сорок лет его останки, по повелению Патриарха Московского Никона, были перенесены в Большой Успенский собор.

Прославление патриарха Гермогена в лике святых русской Церкви произошло в период празднования 300-летия Дома Романовых – 12 (25) мая 1913 года. На докладе Синода по делу о канонизации Святителя император Николай II начертал резолюцию: «Прочел с чувством истинной радости».

Чудов монастырь любили и члены царствующей династии. В храме святителя Алексия, посвященном основателю обители, отпевали великого князя Сергея Александровича, которого убил бомбой эсер Каляев. Террористы – социал-революционеры уничтожили одну из ключевых фигур Императорского дома Романовых, имевшую огромное влияние на своего племянника императора Николая II.

Панихиду совершил митрополит Московский и Коломенский Владимир в сослужении двух епископов и многочисленного духовенства. После отпевания дубовый гроб с серебряными государственными гербами по бокам перенесли в храм святого апостола Андрея Первозванного, также находящийся на территории Чудова монастыря. Там прах великого князя покоился до сооружения в монастыре специального храма-усыпальницы в честь преподобного Сергия Радонежского – небесного покровителя Сергея Александровича. В этой церкви

он и был погребен. «Она устроена под высоким, синим с золотыми и разноцветными звездами сводом, склон которого начинается немного выше... мраморного пола. Иконостас весь из чисто-белого мрамора исполнен по рисункам Павла Жуковского в византийском стиле... По стенам тянется кайма синего цвета по золоту, с белыми и малиновыми обрамлениями. В северной стене полукруглая выемка под пологим золотым мозаичным полусводом. Под ним приготовлена могила Сергею... Эта церковь бесподобно хороша, в ней таинственно-укромно. Освящение ее состоялось рано утром перед нашим приездом», – записал в дневнике великий князь Константин Константинович Романов (поэт К.Р.), участник тех печальных событий.

Вполне естественно, что Чудов монастырь, где умер священномученик Гермоген, патриарх и активный сторонник воцарения Романовых на российском престоле, где обрел последнее пристанище великий князь Сергей Александрович Романов, – этот монастырь не мог не вызывать лютой ненависти у большевиков, для которых он был олицетворением старой России. В декабре 1929 года Чудов монастырь был уничтожен, чтобы на его месте стало здание Президиума Верховного Совета (проект И. Рерберга). Мощи святителя Алексия поместили в Архангельский собор, а в 1947 году патриарх Алексей I благословил перенести их в Елоховский кафедральный собор, где они покоятся и в наши дни. Иконы из монастыря передали в Оружейную палату и в Третьяковскую галерею.

В финале нашего повествования остается добавить, что единственный в Москве монастырь, освященный во имя праздника Чуда святого Архистратига Михаила в Хонех, и самый известный из церковных памятников, разрушенных большевиками, до революции находился в Кремле на Ивановской площади – теперь на его месте мостовая перед Успенской колокольней и правительственное здание рядом с Сенатом. А в старину этот московский монастырь даже назывался «Великой Лаврой». Но не случайно наша рубрика называется «Ничто не проходит бесследно». Президент страны В.В. Путин распорядился восстановить в Кремле Воскресенский и Чудов монастыри. Будут проведены предварительные раскопки, после чего начнется возрождение обителей.

К сему: ваш Архивариус

Вадим Рутковский

Испытание Крымом

В монашескую келью или в храм монастыря Чилтер-Коба ведет каменистая тропинка вдоль стены мыса Ай-Тодор

«**У**видев народ, Он взошел на гору...» (Мф. 5:1). «И, отпустив народ, Он взошел на гору помолиться наедине; и вечером оставался там один» (Мф. 14:23). «Перейдя оттуда, пришел Иисус к морю Галилейскому и, взойдя на гору, сел там» (Мф. 15:29). «По прошествии дней шести, взял Иисус Петра, Иакова и Иоанна, брата его, и возвел их на гору высокую одних...» (Мф. 17:1).

Сфотографировать монаха можно разве что со спины

Эти и другие эпизоды из Нового Завета настраивают меня на возвышенный лад как в прямом, так и в переносном смысле. В моем восприятии гора – это символ духовного восхождения, модель развития внутреннего мира человека от приземленно примитивных понятий к горным вершинам сложных идей и смыслов. Не знаю, случилось ли вам задумываться, как и почему в текстах Писания используется образ горы или горной местности, но для меня это предмет постоянных раздумий.

Ландшафт горного Крыма всегда вызывает во мне библейские образы. Будь то раннее утро, когда лучи солнца только цепляются за вершины, а ущелья и отроги еще погружены в туманную дымку или прикрыты низкими облаками. Или нещадный, палящий полдень, когда солнце напоминает яичницу-глазунью, окруженную кипящим белком неба. А что говорить о конце дня:

горы словно переводят дыхание после изнурительного марафона, длиннеют тени, так жадно чаемая прохлада медленно наполняет расщелины, обтекает валуны... И в памяти оживают сюжеты священных повествований о том, что происходило там, в Святой Земле, в начале первого века Христовой эры. Именно ради уединенной молитвы в горах, ради того, чтобы вызвать в памяти давние картины, которых я никогда не видел, чтобы хотя бы ненадолго прикоснуться к почти первозданной красоте, созданной Творцом и, к счастью, пока серьезно не тронутой человеком, вот уже несколько лет подряд я приезжаю в Бахчисарайский район Крыма. Очередная моя экспедиция состоялась в конце февраля – начале марта этого года.

На этот раз целью моего путешествия стала долина реки Бельбек. Здесь в районе села Малое Садовое возвышается мыс Ай-Тодор (греч. – святой Федор), на обрывистых уступах которого уютно пристроился старинный монастырь Чилтер-Коба (тюрк. – пещера с решеткой). Сложный архитектурный ансамбль обители составляют более двух десятков искусственных пещер,

Поклонный крест в Бахчисарайском районе. К этой горе ведет перевал Кабаний. Внизу виднеется Чернореченское водохранилище

высеченных прямо в каменной стене мыса. Туда мне и предстоит подняться.

Пещерная обитель на мысе Ай-Тодор расположена на высоте около 300 метров над уровнем моря. Это, конечно, не очень высоко, и, по идее, восхождение не должно составить особого труда. Но ноги почему-то почти сразу наливаются свинцом и почти сразу после старта сбивается дыхание. Опытному паломнику все ясно. Например, моя двоюродная сестра, игуменья одного из вятских женских монастырей, говорила: «С юности заметила: только соберешься на службу в храм, так у тебя непременно шнурки порвутся или случится еще какая мелкая пакость...». Короче, враг не дремлет! Более того, он хорошо знает свое диверсионно-подрывное дело. А тут повод выполнять свои обязанности старательно и прилежно более чем серьезный: на мысе Ай-Тодор не просто храм, а целый монастырь, и не просто монастырь, а монастырь с историей.

Этот пещерный монастырь был основан предположительно в IX в., а по некоторым данным – в XIV–XV вв., на северных рубежах княжества Феодоро, вблизи Сюйреньской крепости, охра-

нявшей рубежи этого средневекового православного государства, поддерживавшего тесные связи с Византией. В 1299 году монастырь Чилтер-Коба был разрушен войсками золотоордынского темника Ногая, но позже восстановлен стараниями монахов. Главный, самый крупный и известный храм посвящен великомученику Феодору Стратилату. В комплекс монастыря также входят келии и трапезная, соединенные прорубленными в скалах тропами. Одновременно в пещерном монастыре проживало не более 14–16 монахов. На молитву в большой храм Чилтер-Коба собирались воины из соседней крепости и жители близлежащих деревень.

В моем рюкзаке лежат несколько номеров «Лампады» для настоятеля обители иеромонаха Даниила. Благодаря его усилиям с начала нынешнего века возобновились богослужения и вновь затеплилась монашеская молитва. Как ни тяжело подниматься, я думаю только о том, что должен доставить наш журнал по назначению, и в мыслях не прекращаю Иисусову молитву. И в очередной раз убеждаюсь: когда делаешь что-то не ради своих амбиций, а чтобы порадовать ближнего своего,

результат будет именно тот, к которому стремишься. Все так и произошло – я добрался до монастыря Чилтер-Коба, увидел отца Даниила, передал ему наш журнал и получил благословение на обратную дорогу. А потом... Потом была фантастическая панорама весеннего Крыма, уходящего под горизонт волнистыми силуэтами гор и зеленью лоскутов виноградных долин.

Говорят, если загадать желание в мгновения сильных светлых переживаний, то оно обязательно сбудется. И я попросил Господа об одном – вернуться сюда снова, и как можно скорее...

Москва – Бахчисарай – Москва

СКРЕПЫ

*Что легко для тела, то
неполезно для души, а
что полезно для души,
то трудно для тела.*

*Преподобный Иосиф
(Литовкин) Оптинский*

Крымская весна
Фото Дмитрия Ломанова

Ирина Корнилаева

Отверзу уста моя

Оригинальный учебный курс для детей и взрослых

В 1995 году автору этих строк довелось приступить к преподаванию церковнославянского языка в воскресной школе Знаменского храма в Ховрине в условиях отсутствия специальных учебников для современных детей. В те давние уже времена наша младшая группа училась читать по репринтному букварю начала XX века, а старшая – по Молитвослову. Великим подспорьем на первых порах стал «Толковый молитвенник» карманного формата, выдержавший к 1915 году 22 издания. Содержание его вполне описано в подзаголовке: «Молитвы, Символ Веры, заповеди и тропари двенадцатых праздников с объяснениями, составленными для народных училищ Д.И. Протопоповым». Собственно, это было руководство по Закону Божию, которое мы превращали в церковнославянскую хрестоматию своими руками, наклеивая поверх молитвословий на русской букве соответствующие ксероксы на кириллице. Объяснительная часть данного пособия служила и вероучительным, и лингвистическим целям: отроки 1990-х попутно знакомились с дореформенной русской орфографией.

Следующей учебной книгой у нас являлся Часослов, в старину тоже использовавшийся после букваря или вообще вместо него. Вспоминается пешее паломничество педагогов, учащихся и родителей в соседний бусиновский приход, из которого вер-

нулись с ценным приобретением – солидным запасом часословов.

С конца 1990-х все желающие: дети, подростки, их мамы и бабушки – прихожане ховринского храма – занимались церковным хоровым пением, регулярно участвовали в богослужениях. На уроках церковнославянского разбирались ксерокопированные песнопения из Божественной литургии и всенощного бдения; те же тексты затем разучивались на спевках.

Книжные лавки тех лет кроме репринтов предлагали детские раскраски, прописи, азбуки, подходящие скорее для домашнего досуга и семейного чтения. Взрослым, стремившимся к самообразованию, рекомендовались в основном пособия для гуманитарных учебных заведений. В уповании на достижения коллег прошло более десяти лет. Всё, что печаталось, мы собирали, пытались использовать на уроках, включали в библиографические обзоры. И... укреплялись в мысли взяться за перо. Бог послал и единомышленников, и соавторов.

Такова вкратце предыстория создания коллективного пятилетнего курса церковнославянского языка для начальной и средней школы, разработанного, апробированного и издаваемого в настоящее время.

О первой части проекта – учебно-методическом комплекте «Азбука

церковнославянская», выпущенном в 2013 году, – «Лампада» рассказала читателям в № 91. Добавим лишь, что на VIII открытом конкурсе изданий «Просвещение через книгу» (2013) этот комплект отмечен дипломом III степени в номинации «Лучшее учебное издание». Иначе говоря, наша попытка научить не только школьников, но и их наставников, которые на уроках смогут воспитать в детях бережное отношение к богослужебному языку. Методическое пособие для учителя с интересом встречено также родителями и прихожанами, стремящимися, по выражению митрополита Калужского и Боровского Климента (Лампада. № 106. С. 8), принимать «активное, осознанное участие в церковных молитвах, понимая их смысл и сопереживая каждому их слову». С 2014 года по «Азбуке церковнославянской» ведется преподавание в ховринской приходской гимназии «Лампада».

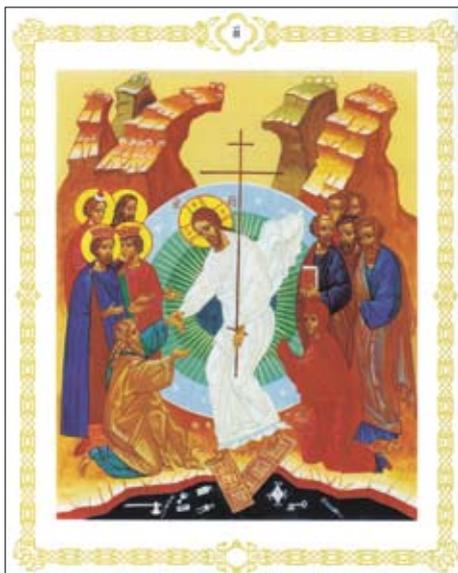
Постижение языка молитвы в современных условиях понуждает к поиску новых путей. Исходя из этого, в рамках образовательной системы «Русская Классическая Школа» города Екатеринбурга ныне готовятся к изданию учебно-методические комплекты «Часослов учебный», «Всенощное бдение» и «Божественная литургия». В 2015 году вышел в свет комплект «Молитвослов учебный» для второго года обучения детей 9 лет и старше, в составе которого «Молитвослов учебный» и «Церковнославянский письменник» (рабочая тетрадь) для школьников и методическое пособие с детальными разработками уроков для педагогов.

Молитвослов для детей включает Краткое изъяснение о крестном знамении, утренние, дневные и вечерние молитвы, великопостную молитву преподобного Ефрема Сирина, избранные песнопения Пасхи, тропари и кондаки двенадцатых праздников, а также пасхалию. Издание богато иллюстрировано иконописными изображениями.

Учебно-методический комплект «Молитвослов учебный» (Москва, 2015) И.А. Горячевой, И.А. Корнилаевой и художника-иконописца В.Д. Сыскова можно приобрести в Издательском доме «Димитрий и Евдокия» и его интернет-магазине. На сайте издательства доступна также видеопрезентация комплекта.

E-mail: info@izdatelde.ru

Телефоны: +7(495)410-21-94,
+7(495)972-74-39,
+7(916)150-11-40.

Во стѣю и великѣю недѣлю пасхи,
во вся дни свѣтлыа седмицы
и до вознесѣнѣа

Тропарь, гласъ ѿ:
Христѣ восресъ изъ мѣртыыхъ, смѣртно смѣрть попрѣа,
и спѣшама во гробѣхъ
жизнѣ даровѣа.

Кондакъ, гласъ ѿ:
Аще и во гробѣхъ спусниша еси, безсмѣртни, но адомъ
разрушиша еси силѣ, и восресѣа еси яже побѣдѣтелъ,
хрѣтѣ живѣ, живѣама мѣрноснѣама вѣчнѣама: радѣителъ!
и тѣлоама алимѣама мѣрѣ дарѣама,
падѣшама подалѣ
воскрѣнѣ.

Поскольку язык молитвы – это язык сердца, при переходе от Азбуки к Молитвослову возникают некоторые психологические трудности: детское воображение переключается с наглядных образов, с церковных реалий на внутренний мир человека. Отсутствие предметности снижает познавательную мотивацию детей, рассеивает их внимание. Исключить безучастность ребенка к духовной сфере позволяет работа в классе в форме диалога учителя и ученика, побуждающая к осмысленной деятельности.

Авторы отвергли задачу переложения детьми церковнославянских текстов на русский язык, поскольку это ведет к десакрализации священного слова, разрушению поэтического строя молитвы и к ложным толкованиям. Важнейшим методическим приемом избрано возведение детей от русского обыденного языка к церковнославянскому через поиск в тексте ответов на вопросы, поставленные педагогом. На уроках, пользуясь «Молитвословом учебным», ученик говорит на церковнославянском языке, усваивает его смыслы, расширяет свой лексический запас и при этом подсознательно воспринимает неизбежность и святость языка богообщения.

Глубине постижения языка молитвы способствует раскрытие его с поэтической стороны. Святые угодники создавали тексты, в которых запечатлевался их уникальный духовный опыт. Пришедшая на Русь из Византии церковная поэзия с ее великим разнообразием оттенков лексики, образностью и

благозвучием бережно донесена до нас древними переводчиками с греческого языка на славянский.

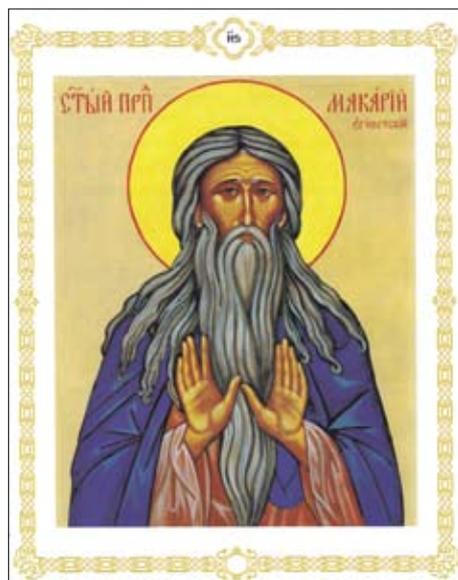
Методическое пособие для учителя подробно показывает, как, работая по «Молитвослову учебному», последовательно и планомерно открыть детям эти красоты смыслов, научить видеть символизм и образность священного слова, композиционные приемы построения молитв, поэтические формулы, звуковую организацию, рифмоподобные цепочки, поэтико-образительную роль грамматических форм. Такая деятельность позволяет наглядно воспринять богослужебные тексты как поэтические произведения, обладающие гармонизированной структурой. Грамматический строй церковнославянского языка постигается младшими школьниками через наблюдение над текстом.

Как известно, у нас в стране создано Общество русской словесности. Его возглавил Предстоятель Церкви. Несколько месяцев назад с этим предложением обратился к нему Президент страны В.В. Путин. На первом заседании Общества Патриарх Кирилл сказал:

– Я принял это предложение именно потому, что речь идет о гуманитарном измерении нашей жизни, личности, общества, государства, а гуманитарное измерение есть часть духовной ответственности Церкви. Гуманитарная сторона человеческой жизни включена в то, что мы называем пастырской заботой Церкви, и именно как пастырь, несущий, вместе с очень многими, ответственность за духовное состояние народа, я принял решение возглавить это общество.

Государство и Церковь нашли общий язык. На этот раз – русский. Появилась еще одна точка соприкосновения, чего так чужаются ревнители либеральной демократии (или демократического либерализма, что, в общем-то, одно и то же). Радостно, что в таком остром вопросе, как сохранение родного языка, а это важное условие сохранения нации, достигнуто согласие.

Хочется верить, что наша скромная публикация станет пусть крохотным, но все же шагом на этом пути. Однако ведь любая дорога преодолима, если по ней идти.

Молитва ѿ:
свѣама макариа великаго, въ шрѣ сѣдѣ:

Бже вѣчнѣи и црѣо вселеннаго созданиѣа, сподобниши ма даже въ часѣ сѣи досегѣти, простѣи ми грѣхѣа, яже сотворихъ изъ сѣи дѣлоама, словесама и помышленѣама: и чѣстнѣи, гдѣи, смиреннѣо моѣ дѣши ѿ вселеннаго скверны плоти и дѣама. И даждѣ ми, гдѣи, въ мѣрѣи сѣи сонѣ принѣти изъ мѣрѣи, да поставѣа ѿ смиреннаго ма ложа, благогождѣи престѣомъ нѣмѣи тѣлоама во вся дни живота моего, и поперѣ корѣнѣама ма врагѣи плѣтскѣа и безумнѣама. И избавѣи ма, гдѣи, ѿ помышленѣи свѣтнѣама, вселеннаго ма, и похотѣи алкамама.

Иже твоѣа есть црѣво и сила и слава,
сѣдѣ и сѣа и стѣама дѣа,
наиже и присѣа
и во вѣки вѣковѣа.
Аминѣ.

«Молодежка» северной столицы

В последнее десятилетие в нашей стране появилось интересное и знаковое явление – православное молодежное движение, именуемое в просторечии «молодежка». Это различные общества и клубы православной молодежи под сводами храмов и монастырей. Цель его – духовное возрастание молодых людей, приближение их к Церкви, дружеское общение, обсуждение наиболее важных вопросов, изучение Писания и общественное служение. Организаторами выступают приходские священники или активные прихожане.

ИЕРЕЙ ВИТАЛИЙ ДЕМЕНТЬЕВ, один из организаторов и духовный руководитель Свято-Никольского молодежного союза (Никола-Богоявленский Морской собор. Санкт-Петербург):

– Мы попросили всех присутствующих высказать пожелания: какими они хотели бы видеть встречи молодежи? Услышанное стало основой программы Союза. Была выработана следующая схема: сначала небольшое сообщение духовенства по выбранной теме, затем обсуждение и вопросы. Это не собрание, а дружеская встреча за чашкой чая...

Через год формат немного изменился. Что нас побудило к этому? Ощущение того, что наши встречи стали превращаться в... воскресную школу для молодых людей: одни говорят, другие слушают. Чтобы активизировать ребят, мы предложили им самим раскрывать и прорабатывать темы. К каждой встрече несколько человек стали готовить небольшие рассказы, раскрывающие ту или иную сторону центральной темы. Модель оказалась успешной и сохраняется по сей день.

Стоит коротко сказать о самих темах. Они охватывают и догматическое, и нравственное богословие, и историю Русской Православной Церкви, и вопросы личного благочестия... Говорилось о православном устройении семьи, о христианских мотивах в искусстве, о христианском отношении к современным медицинским технологиям... Обсуждали новинки православной литературы.

Понятно, что деятельность молодежи на приходе не ограничивалась встречами в приятной обстановке и беседами о важных вещах. Одна из главных целей – активное участие ребят в жизни прихода. Мы не только вместе работали, но и вместе отдыхали. Посещали выставки в Русском музее и в музее Санкт-Петербургской Духовной Академии. Были на концертах духовной музыки в Капелле...

МАТУШКА СВЕТЛАНА, супруга нерея Димитрия Симонова. Оба активно участвовали в создании молодежной общины «Агана» (храм святых апостолов Петра и Павла):

– На первую встречу 15 февраля 2002 года пришло около сорока человек, что очень нас обрадовало и показало, что это, оказывается, молодым христианам необходимо. Отец Александр и отец Димитрий сразу же уговорились, что это будет не клубом, а именно общиной при храме и что объединяться мы будем вокруг Христа, вокруг Евхаристической Чаши.

Поначалу встречи не были тематическими: мы собирались за чаем в трапезной храма, знакомились с новыми людьми, общались. Но со временем пришли к тому, что вместе интересно смотреть христианские фильмы или фильмы, затрагивающие нравственные вопросы, обсуждать их. Интересно вместе слушать лекции и беседы приглашенных гостей, и уже спустя несколько лет решили вместе читать и изучать Священное Писание.

От автора. Важно, что в отличие от приходской общины молодежный клуб – это подвижная организация, ее членами могут быть не только прихожане храма, при котором она создана. «Молодежки» открыты для всех, даже для тех, кто делает только первые шаги на пути воцерковления, потому что эти организации – успешный способ активного взаимодействия с внешним миром, это постоянное миссионерство.

К одной из главных добродетелей «молодежек» можно отнести их открытость и добросердечность. Они говорят всем желающим: «Здравствуйте! Вот мы – православная молодежь, мы такие, какие есть. И мы рады вам! Приходите к нам, познакомимся, чаем угостим!». И это не преувеличение. Сами участники молодежного движения подчеркивают, как их поразила теплота и доброжелательная атмосфера того или иного клуба.

НАДЕЖДА МАТВЕЕВА (молодежная община Казанского кафедрального собора):

– Я робко спросила: «Здесь состоится собрание?». И получила очень доброжелательный ответ и приглашение к столу. Помню, как приятно удивил батюшка простотой и непринужденностью общения. На тот момент в моей голове еще

не до конца был побежден стереотип представлений о церкви и ее служителях. В течение вечера к нам еще присоединились люди, мы познакомились, пообщались. Выяснилось, что между нами много общего.

ЮЛИЯ МУНТЯН, «Атрум под Покровом» (храм митрополита Петра Московского):

– В Страстную Пятницу я приехала первый раз к ребятам на Роменскую. Меня встретил Леша Сергеев, тоже врач, как и я, но уже не в белом халате, а в красивом облачении алтарника. Всю службу подходил ко мне и объяснял, что происходит. Этим он немало меня смущал, потому что все оглядывались и смотрели на меня и на облачение Леши, который бегал от аналоя ко мне и обратно.

А в субботу был совершен чин присоединения к Православной Церкви от баптистов. Была первая в моей жизни исповедь. А на Пасху – тоже первое в жизни подлинное Причастие Святых Христовых Таин (а не просто воспоминание страданий Христа, как принято у баптистов).

Впервые в жизни я приняла Господа в себя – это было невероятное торжество моей души и каждой клеточки тела! А тот огонь, что так жег меня, пока я была у баптистов, перестал меня опалывать. Теперь я ощутила внутри разливающуюся теплоту и свет от нескончаемого огня Божьей милости ко мне.

От автора. Примечательно, что при всей доброжелательности и гостеприимстве молодежные клубы никого к себе не завлекают и золотые горы в виде Царствия Небесного не обещают. Все добровольно. В этом у большинства клубов единое правило.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ, староста клуба «Чайка»:

– В «Чайке» всегда был, есть и будет принцип – никого не завлекают ни на какие мероприятия, но всегда ждут содействия, помощи и жертвенности – временем, сердечным участием. В конце концов, клуб – это православное общество, а не место одних знакомств и развлечений. И это мне сказали сразу же. Эта фраза до сих пор сохраняет свой смысл. И сейчас она по-прежнему своевременна и важна.

От автора. Почему это так важно? Потому что главное не только общение между молодежью, но и служение друг другу и людям извне. Когда молодые люди приходят в клуб, им желательно думать не только о том, что нужно удовлетворить свою потребность в общении, или найти

Обложка и форзац книги

свою вторую половинку, или найти свое место в этой жизни – это важно, но не это главное. А думать следует о том, как послужить Христу, чем лично они могут быть полезны этой общине и готовы ли они на такие жертвы.

Виды служения у «молодежек» очень разнообразны. Есть общины, имеющие широкую специализацию: «Чайка», молодежно-просветительский клуб имени священномученика Иоанна Царскосельского, «Встреча», молодежный клуб при храме преподобного Серафима Саровского и другие. Они занимаются всем и понемногу, например социальным служением, помощью храму, ветеранам и т. д.

На своих встречах молодежь решает, какая нужна помощь, где и кому, и старается по мере возможности ее оказывать. Например, молодежный клуб при храме преподобного Серафима Саровского тиражирует диски с проповедями своего настоятеля, перевозит товары для часовен при онкологических больницах, готовит продуктовые наборы для пенсионеров, многодетных семей и инвалидов.

Иные клубы имеют определенное направление: «Школа веры и миссии “Атриум”», клуб «Причастие» при благочинии вузовских храмов, «Добровольческая молодежная миссия». Их дело – просветительская работа среди сектантов, обращение людей в православие.

Есть «молодежки», которые взяли на себя поистине уникальный и достойный всяческого уважения труд. Община домового храма преподобного Макария Египетского при Горном университете. Их проект называется «Хранители памяти», и заключается он в сохранении памяти о горных инженерах, захороненных на Смоленском кладбище. Само собой, что работы по благоустройству могил горняков лежат на плечах молодых людей. Или

проект клуба «Ангелос» из города Петергофа – «Разрушенные храмы Петергофа». Юноши и девушки клуба записывают видеоролики о разоренных во время гонений храмах города, вычитывают акафисты возле них и делают много всего другого ради восстановления обителей.

Говоря о молодежных общинах, невозможно не затронуть и тему любви. Как же без нее?! Часто молодые люди приходят, чтобы встретить спутника жизни, создать семью. Тем более что проводя вместе долгое время, трудясь бок о бок, молясь, совершая паломничества, они нередко влюбляются. И это естественно и прекрасно.

Печальнее, когда юноши и девушки состоят членами клуба по пять-шесть, а то и по восемь лет, устанавливают прекрасные дружеские отношения, братские, а бы сказала, а вот семью создать не получается. Тогда на помощь приходят священники. Вот, в частности, как это было однажды.

«...А другой батюшка с далеких архангельских краев, собирая церковный хор, сказал своим застенчивым барышням примерно так:

– Заплатить я вам не могу, денег нет, сами знаете, но всех вас я выдам замуж. Будьте уверены. Ни одна из “старых девках” не останется. Всех обвенчаю.

Согласие единодушное. И, действительно, достаточно скоро все певчие благополучно вышли замуж».

Этим добрым пастырем был известный архангельский протоиерей Евгений Соколов. И прежде чем выдать замуж своих красавиц, он на протяжении долгого времени готовил их к этому. Как? Да очень просто: учил их любить. Отец Евгений в первую очередь воспитывал в них терпение, как одну из главных добродетелей. По капле, постепенно, то тут, то там заставлял их претерпевать разные неприятности и сложности. Тогда и другие

добродетели стали даваться барышням легче. А научившись главному, они сами не заметили, как очистили свою душу. Чем ближе они становились к Богу, тем больше просвещались и несли свет в мир. Ведь чем больше человек любит Бога, тем больше он любит и человека.

Еще преподобный Исаак Сирий говорил: «Ты видел брата своего? Значит, видел Бога». Вот поэтому все молодые люди, которым раньше не хватало голубого цвета глаз, сильных мускулов, престижной работы и прочего, вдруг открылись перед девушками в новом свете. И оказалось, что они-то самые прекрасные на свете.

К слову сказать, кроме важнейших христианских добродетелей отец Евгений учил общению и хорошим манерам. Он клал на аналое кроме Священного Писания книгу по этикету и заставлял девушек и юношей ежедневно читать ее. Итогом стал самый настоящий бал, где завязались знакомства, переросшие вскоре в свадьбы. Такая вот поучительная история.

Разумеется, не все в молодежном движении так гладко и, как говорит настоятель кафедрального собора Рождества Пресвятой Богородицы г. Приозерска протоиерей Димитрий Звездинин: «...не все мечты сбывались, были взлеты и падения, однако желание трудиться на ниве Божией не пропадает. Потому, что рядом те, кто всегда поможет и поддержит и словом, и делом, и молитвой».

Прочитанное вами – лишь малая часть того, что можно рассказать о молодежном православном движении. Тех, кому это интересно, я адресую к книге «Наша “молодежка”» (автор – Дмитрий Корсунский). Он часто бывал в молодежных объединениях Санкт-Петербурга, знакомился с жизнью ребят изнутри, участвовал в их делах, общался с ними. Все это и стало основой книги.

Наталья Прохорова

...И ожили тени забытых предков

200 лет назад, летом 1816 года, указом императора Александра I на кавказскую линию был назначен герой Бородинского сражения генерал-лейтенант Алексей Ермолов, а спустя год началась длительная и кровопролитная Кавказская война. Терские казаки в составе Русской императорской армии оказались на переднем крае.*

Терское казачье войско возникло во второй половине XVII века из переселившихся с Волги на Терек вольных казаков. Исторически и территориально обособленное, оно своим

внутренним укладом заметно отличалось от своих ближайших соседей – донских и кубанских казаков. Царскими указами на Терек переселяли казаков Слободской Украины, Дона, Волги, а смуглые гребенские казаки, жившие на гребнях гор, переселились сами. Терские казаки были христианами как традиционного, так и старообрядческого православного вероисповедания...

Эта красивая и волнующая страница нашей истории ожила на сцене Московского Государственного Историко-Этнографического театра в спектакле «Терская история», поставленном Михаилом Мизюковым. В музыкальной легенде достоверно и красочно показана жизнь терских казаков: их обычаи, военные песни, обрядовые танцы, джигитовка и сабельные бои. С первых же минут зрителей захватывает суровая, но трогательная и прекрасная атмосфера прошедших веков.

*Братцы, надоела нам чужая
сторона.*

Кругом горы, страшны скалы,

Из ущелья быстрая река,

Из ущелья быстрая река... – звучит старинная песня терских казаков, оторванных от родины на многие сотни верст. Но дух Древней Руси сохранился у терских казаков. Не случайно среди них был широко распространен русский былинный эпос, старинные песни об Илье Муромце, Алеше Поповиче и Добрыне Никитиче. Перед зрителями – проводы на русско-

турецкую войну. Это стало священным ритуалом, который волнует до глубины души. Казачья лезгинка, обряд пускания корабля на праздник Троицы, церемония приема осетинских

гостей, свадьба, отражение неприятеля – одна сцена сменяется другой, и действие энергично захватывает зрителей.

Одежда, обычаи, обряды, песни, танцы терцев красивы, необычны и, конечно же, глубоко самобытны. М.Я. Ольшевский, наблюдавший их быт в 1850-х годах, писал: «Несмотря на давность своего поселения на Тереке, несмотря на то, что между их станицами находились помещичьи поселения и станицы, составленные из грузин, отставных солдат и переселенцев из внутренних губерний, как Шелкозаводская и Николаевская, гребенцы сохранили свои нравы, обычаи и образ жизни. Вместе с тем гребенцы много переняли от своих соседей не только в одежде, образе жизни и обычаях, но и в поступи, походке, посадке на коне. До сих пор между гребенцами сравнительно более говорящих по-кумыкски и по-чеченски, нежели в других казачьих полках».

В спектакле волнующи и красивы иконные казачьи костюмы – бурки, бешметы, папахи, башлыки, черкески, кавказские пояса, лихие кинжалы и газыри с серебряными наконечниками.

Звучат старинные песни терских казаков, собранные и записанные ансамблем «Братина» в 1969–1972 гг. В них удивительно сочетаются мужественность и лиризм, героизм и надежда. Они воссоздают светлые исторические образы, передают неповторимый колорит прошлых веков, приоткрывая окно в иной, волшебный и прекрасный мир, когда наши предки совершали богатырские подвиги и смотрели на мир радостно и жизнеутверждающе.

Сергей Яновский

*Дорогие читатели,
подписчики «Лампады»!*

Пожалуйста, обратите внимание на последнюю страницу журнала (вторую обложку). Там изложены новые условия подписки на «Лампаду» (в прошлом номере мы об этом писали, но, возможно, не все заметили). **Подписываемся только через редакцию.** Фиксированной цены подписки нет – только добровольные пожертвования. Иными словами, кто сколько захочет и сколько сможет. Причина одна: все вздорожало, полиграфия тоже. Поднимать цену, единую для всех, не хотим: она не каждому окажется по карману. Поэтому – повторяем – кто сколько захочет и сколько сможет.

**СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ.
ХРАНИ ВАС ГОСПОДЬ!**

ПРОСИМ ПОМОЧЬ НАШЕМУ ХРАМУ:

Мы вам уже писали, но неправильно дали реквизиты.
Спаси вас Господь!
663120, с. Пировское,
Красноярского края Местная православная религиозная организация Прихода Свято-Троицкого храма Енисейской Епархии,
ул. Ленина, 6,
тел. 8-950-972-21-51

Реквизиты:

ИНН 2431001330
КПП 243101001
Местная православная религиозная организация Прихода Свято-Троицкого Храма Красноярское отделение № 8646
ПАО СБЕРБАНК
г. Красноярск
р/с 40703810631200005001
к/с 3010181080000000627
БИК 040407627

Настоятель храма Чистяков П.Н.

Ирина Ушакова

Школа братской любви

Случись кому-то из вас оказаться в Сербии и с любовью назвать имя святителя Саввы, как вас мгновенно примут за своего и к тому же дорогого человека. Но такое может случиться и не только на Балканах. Достаточно побывать в московской православной школе во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова.

Пусть не покажется странным: в русской школе очень почитают этого великого сербского святого. Вот и в нынешнем году здесь праздновали его память архиерейским молебном, который совершил настоятель подворья Сербской Православной Церкви в Москве епископ Антоний (Пантелич). В торжествах участвовали представители посольства Республики Сербии в нашей стране и Общества русско-сербской дружбы. Откуда в обычной школе такая традиция? Я обратилась к одному из ведущих специалистов по Сербии, председателю Общества И.М. Числову.

– Илья Михайлович, в актовом зале школы – посол Сербии доктор Славенко Терзич, депутат парламента Драгомир Карич, глава сербской диаспоры в России профессор Божидар Митрович, иностранные дипломаты, ученые-слависты из Института мировой литературы и из Института славяноведения, другие именитые

гости. Наверное, такое встречается не часто.

– Праздники вообще частыми быть не должны. Иначе они могут превратиться в будни. Всех нас созвал наш великий святой Савва.

– Как все вместе пели Свято-Саввский гимн!..

– Ничего удивительного. И русских, и сербов – всех нас – объединяет православная вера, общая славянская история, великое прошлое и скорбные сегодняшние дни. Это заставляет задумываться о многих проблемах – как преходящих, так и вечных.

– К этому же нас призывает и святитель Савва.

– Совершенно верно. Не случайно Йован Дучич, этот крупнейший сербский поэт XX века, назвал святого «великой печатью сербской истории». Я бы добавил: печатью, которая еще и скрепляет два наших единоверных и единокровных народа.

– Духовный путь Святителя нам близок и понятен...

– Юный Растко Неманич, так звали Савву в миру, принял монашеский постриг на Афоне в конце XII столетия в русском монастыре святого Пантелеимона. Отсюда и возникла духовная связь между русскими и сербами. Она лежит в том же русле, что и единая кирилло-мефодиевская традиция славянского мира.

– Можно сказать, что Савва

Святого Савву почитают в России не меньше, чем в его Сербии

Сербский – самый почитаемый у себя на родине святой?

– Именно так! День его памяти – он приходится на 27 января – это общенациональный праздник. Наша Церковь чествует святого Савву в день его успения. По преданию, весть о кончине первого сербского архиепископа, возвращавшегося из путешествия на Святую Землю через Болгарию (там, в Софии, он и преставился в 1236 году), пришла в Сербию с двухдневным опозданием. У нас Свято-Саввские торжества проходят с 25 по 27 января. Святитель считается еще и покровителем учащихся, и по этой причине его особенно чествуют и русские школьники. Вот почему в этой школе было так много гостей.

– Но в Москве есть и другие школы...

– То, что в последние годы праздник проходит именно здесь, имеет к тому вескую причину. Директор протоиерей Сергей Махонин давно и преданно любит Сербию. В школе действует культурологический семинар «Основы сербской традиции». Сюда часто приезжают дети, изучающие сербский язык, историю и культуру страны. Наше Общество всячески старается помогать благим усилиям отца Сергея. А как иначе утверждать-ся и процветать славянскому миру?

Слева направо: И.М. Числов, епископ Антоний (Пантелич), доктор Славенко Терзич и Божидар Митрович в школе

Вселенная Евгения Водолазкина

О писателе этом читающая публика заговорила в мае 2010 года после объявления списка финалистов Национальной литературной премии «Большая книга», куда он вошел с романом «Соловьев и Ларионов». Этот роман – история о том, как аспирант по фамилии Соловьев едет в Крым, чтобы разрешить историческую загадку: почему белый генерал Ларионов, находясь в Крыму в революционные и послереволюционные годы, не был расстрелян большевиками, а сумел дожить до смерти. Основные темы романа «Соловьев и Ларионов» просты и вечны: смерть, взросление, любовь, личность на фоне исторической катастрофы, наука и ее границы. Уже в этом романе Водолазкин затрагивает и тему юродства, которую он разовьет в следующем, по-настоящему нашумевшем и получившем премию «Большая книга» романе «Лавр». Задача автора была ответственной, ведь главный герой романа «Лавр» – врач Арсений – не просто древнерусский человек, он – праведник. Больше того: в жизнеописании его узнаются жития нескольких известных на Руси святых. Задача сложная даже для доктора филологических наук, много лет работающего с древними текстами. Как и какими словами рассказать о вере и о сложнейшем духовном пути человека, не впадая в обыкновенную стилизацию, какими словами передать дух древности, чтобы герои не выглядели ряжеными в театральные костюмы, чтобы они ожили. Автор решил писать предельно свободно, иногда переходя из одной тональности в другую, за что его потом критиковали пуристы. Его герои то говорят «по-старому» (автору-филологу реконструировать их речь не составило труда), то вдруг переходят на канцелярский тон, что рождает комический эффект и снимает излишний пафос. Эти переходы сначала озадачивают, но скоро привыкаешь к такой манере, и она кажется единственно возможной. В романе описаны и город Псков, и путешествие в Святую Землю, и монастыри, и быт людей. Но временами в виде снов и видений героев в повествование неожиданно попадают фрагменты из недавней советской жизни и нашего времени. Критики-пуристы недоумева-

ли: зачем такая, почти постмодернистская игра? Такая форма изложения помогает пониманию философии романа. Вот высказывание одного из героев: «Я думаю, время дано нам по милосердию Божию, чтобы мы не запутались, ибо не может сознание человека впустить в себя все события одновременно». В романе есть место и приключению, и чуду, без которого древнерусский человек не мыслит жизни, и в то же время некоторые реалии жизни Древней Руси здесь отражены без глянца и приторности – взглядом не сказочника, а историка. Это роман-путешествие, однако главный путешественник в нем – душа человека. Мы встречаем в романе много доброго юмора и любви к людям. Возлюби ближнего своего как самого себя – эта христианская заповедь звучит лейтмотивом всего романа. Герой отрекается от своей личности во имя спасения своей возлюбленной, а вместе с ней спасает многих людей вокруг. В одном из интервью, вышедшем еще до «Лавра», на мой вопрос о сути юродства и о том, что многие современные актуальные художники в своих акциях-инсталляциях претендуют на юродство, Евгений Водолазкин говорит: «Юродство – это ведь не сумасшествие, как полагают некоторые. Смысл подвига юродивого, по словам одного церковного песнопения, – безумием мнимым безумие мира обличить. Речь об особом состоянии духа, которое вело человека к суровой аскезе: ношению вериг или хождению круглый год босиком. Но юродство – больше чем отказ от своего тела. Это отказ от собственной личности: вот он я, ничто, прах земной – сплю на мусорной куче, ем с собаками, меня и нет почти. Юродивый полностью растворяет себя в Боге, потому он – человек Божий. Те современные – вполне просчитанные – акции, о которых вы говорите, не юродство. К эксцентричным поступкам юродивый прибегал, чтобы скрыть свое благочестие. Он буйствовал, “бежа славы от человек”».

Помимо создания художественных книг писатель участвует в литературной жизни и как ученый и популяризатор. Он – составитель огромного иллюстрированного тома о Соловках «Часть

суши, окруженная небом. Соловецкие тексты и образы» (СПб: Logos, 2011).

В этой книге о жизни на Соловках, о природе, быте монахов, житейских историях, лагерных порядках вспоминают самые разные люди, побывавшие там в разное время и по разным причинам: Николай Анциферов, Василий Верещагин, Николай Клюев, Михаил Пришвин, Константин Случевский и многие другие. Большое внимание уделено воспоминаниям Дмитрия Лихачева, учителя Евгения Водолазкина, памяти которого и посвящена книга (составленная в Пушкинском Доме, где академик много лет работал). Предисловие составителя – это в своем роде философское эссе, которое сразу настраивает читателя на серьезный лад: «...никакое большое начинание, исключая идею Бога, не может быть жизнеспособным. Примеры разворачиваются длинной цепочкой, ведущей свое начало по меньшей мере от Вавилонской башни... Давно замечено, что дьявол – обезьяна Бога. Может быть, поэтому отдельные идеологемы коммунизма и национал-социализма пародируют библейские сюжеты».

Тема Соловков сегодня насыщена как никогда, в связи с возникшей среди россиян ностальгией по старым «добрым» советским временам, с попытками реабилитировать Сталина. Достаточно прочесть лишь несколько отрывков из книги, чтобы еще раз убедиться в безумии подобных мечтаний: «Не стану описывать чувств, которые переполняли меня, когда я осознал грандиозность этой общей могилы – не только людей, каждый из которых имел свой душевный мир, но и русской культуры – последних представителей русского “серебряного века” и лучших представителей Русской церкви. Сколько людей не оставило по себе никаких следов, ибо кто их и помнил – умер. И не умчались соловчане на юг, как пелось в соловецкой песне, а по большей части погибли либо здесь же, на островах Соловецкого архипелага, либо на Севере, в опустевших деревнях Архангельской области и Сибири...» (Д.С. Лихачев).

Евгений Водолазкин закончил новый роман «Авиатор», который должен появиться в печати совсем скоро. Отрывок из него автор любезно предоставил «Лампаде».

Евгений Водолазкин

Авиатор фрагмент романа

Моей дочери

- Что вы всё пишете?
- Описываю предметы, ощущения. Людей. Я теперь каждый день пишу, надеясь спасти их от забвения.
- Мир Божий слишком велик, чтобы рассчитывать здесь на успех.
- Знаете, если каждый опишет свою, пусть небольшую, частицу этого мира... Хотя почему, собственно, небольшую? Всегда ведь найдется тот, чей обзор достаточно широк.
- Например?
- Например, авиатор.

Разговор в самолете

<...>

Моя голова. Кружится. Лежу на кровати.

Где я?

Шаги.

Вошел неизвестный в белом халате. Стоял, положив руку на губы, смотрел на меня (в дверной щели еще чья-то голова). Я же, в свою очередь, смотрел на него – не открываясь как бы. Из-под неплотно сомкнутых ресниц. Он заметил их дрожание.

– Проснулись?

Я открыл глаза. Приблизившись к моей кровати, неизвестный протянул руку.

– Гейгер. Ваш врач.

Я вытащил из-под одеяла правую руку и почувствовал бережное рукопожатие Гейгера. Так касаются, когда боятся сломать. На мгновение он оглянулся, и дверь захлопнулась. Не отпуская моей руки, Гейгер наклонился ко мне.

– А вы – Иннокентий Петрович Платонов, не так ли?

Я не мог этого подтвердить. Если он так говорит, значит, имеет на то основания. Иннокентий Петрович... Я молча спрятал руку под одеяло.

– Вы ничего не помните? – спросил Гейгер.

Я покачал головой. Иннокентий Петрович Платонов. Респектабельно. Немного, может быть, литературно.

– Помните, как я сейчас подошел к кровати? Как назвал себя?

Зачем он так со мной? Или я действительно совсем плох? Выдержав паузу, говорю скрипуче:

– Помню.

– А до этого?

Я почувствовал, как меня душат слезы. Они вырвались наружу, и я зарыдал.

Взяв с прикроватного столика салфетку, Гейгер вытер мне лицо.

– Ну что вы, Иннокентий Петрович. На свете так мало событий, о которых стоит помнить, а вы расстраиваетесь.

– Моя память восстановится?

– Очень на это надеюсь. У вас такой случай, что ничего нельзя утверждать наверняка. – Он поставил мне градусник. – Знаете, вы вспоминайте побольше, здесь важно ваше усилие. Нужно, чтобы вы сами всё вспомнили.

Вижу волосы в носу Гейгера. На подбородке царапины после бритвы.

Спокойно смотрит на меня. Высокий лоб, прямой нос, пенсне – будто кто-то его нарисовал. Есть лица настолько типичные, что кажутся выдуманными.

– Я попал в аварию?

– Можно сказать и так.

В открытой форточке воздух палаты смешивается с зимним воздухом за окном. Становится мутным, дрожит, плавится, и вертикальная планка рамы сливается со стволом дерева, и ранние сумерки – где-то я уже это видел. И летающие снежинки видел. Тающие, не долетев до подоконника... Где?

– Я ничего не помню. Только мелочи какие-то – снежинки в больничной форточке, прохлада стекла, если к нему прикоснуться лбом. Событий – не помню.

– А что вы называете событиями?

Я бы мог вам, конечно, напомнить что-то из происшедшего, но жизнь во всей полноте не перескажешь. Из вашей жизни я знаю только самое внешнее: где вы жили, с кем имели дело. При этом мне неизвестна история ваших мыслей, ощущений – понимаете? Форточка, стекло, о чем вы при этом думали – это ведь в каком-то смысле главное. – Он вытащил у меня из подмышки градусник. – 38,5. Многовато.

ПОНЕДЕЛЬНИК

Вчера еще не было времени. А сегодня – понедельник.

Дело было так. Гейгер принес карандаш и толстую тетрадь. Ушел. Вернулся с подставкой для письма.

– Всё, что произошло за день, записывайте. И всё, что из прошлого вспомните, тоже записывайте. Этот ежедневник – для меня. Я буду видеть, как быстро мы в нашем деле продвигаемся.

– Все мои события пока что связаны с вами. Значит, писать про вас?

– Abgemacht. Описывайте и оценивайте меня всесторонне – моя скромная персона потянет за собой другие нити вашего сознания. А круг вашего общения мы будем расширять постепенно.

Гейгер приладил подставку над моим животом. Она печально приподнималась с каждым моим вздохом, словно сама вздыхала. Гейгер поправил. Открыл тетрадь, вставил мне в пальцы карандаш – что, вообще говоря, лишнее. Я хоть и болею (спрашивается – чем?), но руками-ногами двигаю. Что, собственно, записывать – ничего ведь не происходит и ничего не вспоминается.

Тетрадь огромная – хватило бы для романа. Я кручу в руке карандаш. Чем же я все-таки болею? Доктор, я буду жить?

– Доктор, какое сегодня число?

Молчит. Я тоже молчу. Разве я спросил что-то неприличное?

– Давайте так, – произносит наконец Гейгер. – Давайте вы будете указывать только дни недели. Так мы легче поладим со временем.

Гейгер – сама загадочность. Отвечаю:

– Abgemacht.

Смеется.

А я взял и записал всё – за вчера и за сегодня.

ВТОРНИК

Сегодня познакомился с сестрой Валентиной. Стройна. Немного словна.

Когда она вошла, прикинулся спящим – это уже входит в привычку. Потом открыл один глаз и спросил:

– Как вас зовут?

– Валентина. Врач сказал, вам нужен покой.

На все дальнейшие вопросы не отвечала. Стоя спиной ко мне, драила шваброй пол. Торжество ритма. Когда наклонялась, чтобы прополоскать в ведре тряпку, под халатом проступало ее белье. Какой уж тут покой...

Шучу. Сил – никаких. Утром мерил температуру – 38,7, Гейгера это беспокоит.

Меня беспокоит, что не получается отличать воспоминания от снов.

Неоднозначные впечатления сегодняшней ночи. Лежу дома с температурой – инфлюэнца. Бабушкина рука прохладна, градусник прохладен. Снежные вихри за окном – заметают дорогу в гимназию, куда я сегодня не пошел. Там,

значит, дойдут на переключке до «П» (скользит по журналу, весь в мелу, палец) и вызовут Платонова.

А Платонова нет, докладывает староста класса, он остался дома в связи с инфлюэнцей, ему, поди, «Робинзона Крузо» читают. В доме, возможно, слышны ходики. Бабушка, продолжает староста, прижимает к носу пенсне, и глаза ее от стекол велики и выпуклы. Выразительная картинка, соглашается учитель, назовем это апофеозом чтения (оживление в классе).

Суть происходящего, говорит староста, если вкратце, сводится к следующему. Легкомысленный молодой человек отправляется в морское путешествие и терпит кораблекрушение. Его выбрасывает на необитаемый остров, где он остается без средств к существованию, а главное – без людей. Людей нет вообще. Если бы он с самого начала вел себя благоразумно... Я не знаю, как это выразить, чтобы не впасть в менторский тон. Такая как бы притча о блудном сыне.

На классной доске (вчерашня арифметика) уравнение, доски пола хранят влагу утренней уборки. Учитель живо представляет себе беспомощные бархатные Робинзона в его стремлении достичь берега. Увидеть катастрофу в ее истинном размахе ему помогает картина Айвазовского «Девятый вал». Молчание потрясенного учителя не прерывается ни единым возгласом. За двойными рамами едва слышны колеса экипажей.

Я и сам нередко почитывал «Робинзона Крузо», но во время болезни не очень-то считаешь. Резь в глазах, строки плывут. Я слежу за бабушкиными губами. Перед тем как перевернуть страницу, она подносит к губам палец. Иногда прихлебывает остывший чай, и тогда на «Робинзона Крузо» летят едва заметные брызги. Иногда – крошки от съеденного между главами сухаря. Выздоровев, я внимательно перелистываю прочитанное и вытряхиваю хлебные частицы, высохшие и сплюснутые.

– Помню много разных мест и людей, – сообщил я, волнуясь, Гейгеру, – помню какие-то высказывания. Но хоть убей – не помню, кто именно какие слова произносил. И – где.

Гейгер спокоен. Он надеется, что это пройдет. Он не считает это существенным.

А может, это и вправду несущественно? Может, имеет значение только то, что слова были произнесены и сохранились, а уж кем и где – дело десятое? Надо будет спросить об этом у Гейгера – он, кажется, всё знает.

СРЕДА

<...>

До сих пор я видел в палате лишь двух человек – Гейгера и Валентину. Что за больница такая, где только один врач и одна медсестра? Собрался с силами, встал, подошел к окну – во дворе пусто, снег по колено. Один раз, держась за стенку, вышел из палаты в коридор – тут же появилась Валентина: «У вас постельный режим, вернитесь в палату». Режим...

Кстати: оба выглядят старорежимно. Гейгер если не в халате, так обязательно в тройке. Напоминает Чехова... Я-то всё думал – кого он мне напоминает? Чехова! Еще и пенсне носит. Из ныне живущих пенсне я видел, по-моему, только у Станиславского, но тот – человек театра... Впрочем, я бы сказал, что в лечащей меня паре есть какая-то театральность. Валентина – вылитая сестра милосердия военного времени. 1914-й. Уж не знаю, как они отнесутся к моему впечатлению – Гейгер ведь это прочтет, так мы условились. В конце концов, он сам просил меня писать без утайки всё, что замечаю, вспоминаю, думаю, – пожалуйста, я так и пишу.

Сегодня у меня сломался грифель, сказал об этом Валентине. Она из кармана достает что-то вроде карандаша, протягивает мне.

– Забавно, – говорю, – металлический грифель, никогда не видел такого.

Валентина покраснела и быстро забрала у меня эту штуку обратно. Принесла потом другой карандаш. Отчего она покраснела? В туалет меня водят, для уколов кальсоны с меня стягивает – не краснеет, а тут карандаш, видите ли. В моей жизни сейчас масса мелких загадок, которые я не в силах разгадывать... Но краснеет она очаровательно, до кончиков ушей. Уши – тонкие, изящные. Вчера, когда слетела ее белая косынка, я ими любовался. Точнее, одним. Валентина наклонилась над лампой, спиной ко мне, и ухо ее розово просвечивало, хотелось прикоснуться. Не посмел. Да и сил не было.

Странное какое-то ощущение, будто лежу на этой койке целую вечность. Пошевелю рукой или ногой – боль в мышцах, а уж если встану без посторонней помощи – ноги как ватные. Зато температура чуть снизилась – 38,3.

Спрашиваю у Гейгера:

– Так что же со мной все-таки случилось?

– Это, – отвечает, – вы сами должны вспомнить, иначе ваше сознание заменится моим. Разве вы этого хотите?

А я и сам не знаю, хочу ли я этого. Может, у меня окажется такое сознание, что лучше бы его заменить.

ПЯТНИЦА

К вопросу о сознании: я его вчера терял. Гейгер с Валентиной сильно перепугались. Очнувшись, видел их опрокинутые лица – похоже, им было бы жалко меня потерять. Приятно, когда по какой-то причине в тебе нуждаются, – даже если эта причина не личная, а чистое, так сказать, человеколюбие. Весь вчерашний день Гейгер не возвращал мне мои листы. Боялся, видимо, что накануне я в своих писаниях перенапрягся. Я лежал, следил за тем, как падали хлопья снега за окном. Следя, заснул. Проснулся – хлопья всё еще падали.

У моей постели сидела на стуле Валентина. Влажной губкой вытерла мне лоб. Поцелуй, хотел сказать я, поцелуй меня в лоб. Не сказал. Потому что получилось бы, что она вытирала мой лоб, прежде чем поцеловать. Да и вообще – понятно, кого в лоб целуют... А вот взял ее за руку – не отняла. Только положила наши соединенные руки мне на живот, чтобы не держать на весу. Ее ладонь покрывала мою кисть домиком – так учат держать руку при игре на фортепиано. Вероятно, меня тоже учили когда-то, если я знаю такие вещи. Перевернув руку, указательным пальцем я провел по потолку этого домика и ощутил, как он вздрогнул, распался, растекаясь по моей ладони. И я ощутил его тепло.

– Лягте рядом со мной, Валентина, – попросил я. – У меня нет дурных мыслей, и я совершенно безопасен – вам это известно. Мне только нужно, чтобы рядом со мною кто-то был. Совсем рядом, иначе я никогда не согреюсь. Я не могу этого объяснить, но это так.

Я с усилием подвинулся на широкой кровати, и Валентина легла рядом со мной – поверх одеяла. Я был уверен, что она выполнит мою просьбу – сам не знаю почему. Наклонила голову к моей голове. Я вдыхал ее запах – настой глаженного, крахмального, белоснежного в соединении с ароматом духов и юного тела. Она делилась этим со мной, а я не мог надышаться. В открывшейся двери показался Гейгер, но Валентина осталась лежать. Что-то в ней напряглось (я это чувствовал), но не встала. Она, наверное, покраснела – не могла не покраснеть.

– Очень хорошо, – сказал не входя Гейгер, – отдыхайте.

Замечательная по-своему реакция.

Вообще-то я не собирался этого описывать, это не меня одного касается, но раз уж он всё видел... Пусть Гейгер правильно поймет суть происходящего (да он, конечно, и так понимает). Я хочу, чтобы это повторялось – хоть по несколько минут в день.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Проснувшись, прочел мысленно «Отче наш». Оказалось, молитву воспроизвожу без запинки. Я, бывало, по воскресеньям, если не мог пойти в церковь, хотя бы «Отче наш» про себя читал. Шевелил губами на влажном ветру. Я жил на острове, где посещение служб не было делом само собой разумеющимся. И остров не то чтобы необитаемый, и храмы стояли, но так как-то всё сложилось, что посещать их было непросто. Подробностей сейчас уже и не вспомнишь.

Церковь – большая радость, особенно в детстве. Маленький, значит, держусь за юбку матери. Юбка под полушубком длинная, по полу шуршит. Мать ставит свечу к иконе, и юбка чуть приподнимается, а с ней – моя в варежке рука. Берет меня осторожно, подносит к иконе. Поясницей чувствую ее ладони, а мои валенки и варежки свободно перемещаются в воздухе, и я как бы парю в направлении иконы. Подо мною десятки свечей – праздничные, колеблются – я смотрю на них и не могу отвести от этой яркости взгляда. Потрескивают, воск с них стекает, застывая тут же причудливыми сталактитами. Навстречу мне, распахнув руки, Матерь Божья, и я целую Ее в руку неловко, потому что полет мой не мной управляем, и, поцеловав, прикасаюсь, как положено, лбом. На мгновение чувствую прохладу Ее руки. И вот так я парю себе в церкви, проплываю над священником, машущим кадилом, – сквозь ароматный дым. Над хором – сквозь его песнопения (замедленные взмахи регента и его же гримасы на высоких нотах). Над старухой-свещницей и заполнившим храм (обтекаемая столпы) народом, вдоль окон, за которыми заснеженная страна. Россия? У неплотно прикрытой двери зримо клубится стужа, на ручке – иней. Щель резко расширяется, в возникшем прямоугольнике – Гейгер.

– Доктор, мы ведь в России? – спрашиваю.

– Да, некоторым образом.

Обрабатывает мне руку для капельницы.

– Тогда почему вы – Гейгер?

Он смотрит на меня удивленно.

– Потому что я русский немец. Deutschrusse. А вы волновались, что мы в Германии?

Нет, не волновался. Просто теперь я могу считать, что точно знаю наше местоположение. До сегодняшнего дня оно было, в сущности, не очень понятно.

– А где сестра Валентина?

– У нее сегодня выходной.

Поставив капельницу, Гейгер измеряет мне температуру. 38,1.

– И что, – интересуюсь, – нет других сестер?

– Вы ненасытны.

А мне другая сестра не нужна. Я только не понимаю, что это за учреждение такое, где один врач, одна сестра и один пациент. Что ж, в России всё возможно. В России... Распространенная, должно быть, фраза, если сохранилась даже в моей разрушенной памяти. Есть в ней свой ритм. Не знаю, что за этим стоит, а *фразу* вот помню.

Таких неизвестно откуда всплывших фраз у меня уже несколько. У них есть, наверное, своя история, а я произношу их как в первый раз. Чувствую себя Адамом. Или ребенком: дети часто произносят фразы, еще не зная их смысла. В России всё возможно, м-да. Есть в этом осуждение, что ли, даже приговор. Чувствуется, что это какая-то нехорошая безграничность, что всё направится известно в какую сторону. В какой мере эта фраза касается меня?

Подумав, сообщаю фразу Гейгеру как немцу и прошу ее оценить. Слежу за движением губ его и бровей – так пробуют вино. Он шумно вдыхает, словно для ответа, но после паузы – так же шумно выдыхает. Как немец, он решил промолчать – чтобы, допустим, не травмировать

меня. Вместо этого просит меня показать язык, что, на мой взгляд, по-своему оправданно. Мой язык действует еще в значительной степени самостоятельно: произносит то, что привык произносить, как это бывает у говорящих птиц. Видимо, Гейгер всё понял про мой язык и просит его показать. Когда я показываю, качает головой. Не радуется моему языку.

Подойдя к двери, Гейгер оборачивается.

– Да, вот еще... Если вам хочется, чтобы сестра Валентина лежала рядом – даже, допустим, под одним с вами одеялом – говорите, не стесняйтесь. Это нормально.

– Сами знаете, что она в полной безопасности.

– Знаю. Хотя, – он щелкнул пальцами, – в России ведь всё возможно, а?

В данный момент – не всё... Чувствую это как никто другой.

ПЯТНИЦА

Все эти дни не было сил. Их и сегодня нет. В голове крутится странное: «Авиатор Платонов». Тоже – *фраза*?

Спрашиваю у Гейгера:

– Доктор, я был авиатором?

– Насколько мне известно – нет...

Где же меня называли авиатором? Не в Куоккале? Точно в Куоккале! Я кричу Гейгеру:

– Наименование связано с Куоккалой, где я... Где мы... Вы бывали в Куоккале, доктор?

– Она сейчас называется как-то иначе.

– Как?

– Ну, например, Репино... Главное – запишите ваше воспоминание.

Запишу – завтра. Устал.

Евгений Германович ВОДОЛАЗКИН

(р. 1964) – доктор филологических наук, прозаик, публицист. Родился в Киеве. В 1986 году окончил филфак Киевского университета и поступил в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. С 1990 года – сотрудник Отдела древнерусской литературы Пушкинского Дома. Стажировался в Германии (Гумбольдтовская и Тепферовская стипендии). Автор многочисленных работ в области древней и новой русской литературы, в том числе книг «Преподобные Кирилл, Ферапонт и Мартиниан Белозерские» (в соавторстве) и «Всемирная история в литературе Древней Руси», составитель альбома о Соловках «Часть суши, окруженная небом. Соловецкие тексты и образы». Роман «Лавр» получил премии «Ясная поляна» и «Большая книга». Живет в Санкт-Петербурге.

Художник из Тутаева

Картини Леонида Кузьмова – бывшего москвича, живущего уже более двадцати лет в Тутаеве, что в Ярославской области, проникнуты солнечной теплотой и душевным миром, присущим этому мастеру.

Есть портреты, акварельные зарисовки, но более всего ему мила живописная картина. В центре творчества художника последних двух десятилетий встает Воскресенский собор Тутаева со всей полнотой сосредоточившейся в нем жизни. На монастырских картинах можно увидеть и движение сиюминутной жизни, и печать вечности. Священники и миряне, посещающие собор, вполне могут узнать себя в работах художника. Запечатлены на полотнах Леонида Кузьмова и уютные тутаевские дворники, размеренный сельский быт, природа – то осенним вечером, то летним утром. В реалистической живописи Кузьмова ощутима школа его любимых художников – Ильи Репина, Василия Поленова, Валентина Серова.

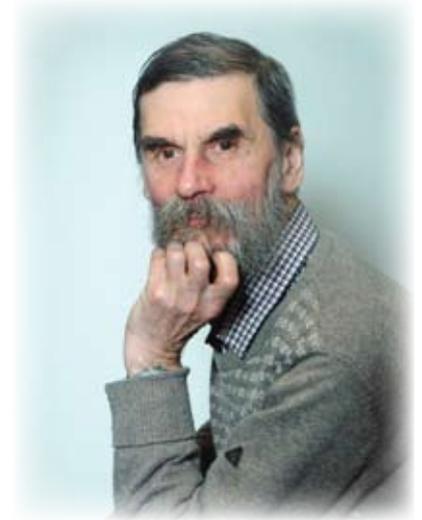
Леонид Григорьевич говорит, что любовь к рисованию возникла у него из любви к слову, к образу. «И сейчас помню, как я, пятилетний, читаю страницы “Войны и мира”: “Ах, князь, Генуя и Лукка – поместья фамилии Буонапарте. Нет, я вам вперед говорю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы еще позволите себе защищать все гадо-

сти, все ужасы этого антихриста (право, я верю, что он антихрист), – я вас больше не знаю, вы уж не друг мой... Ах, эта ужасная война!”» – цитирует по памяти Леонид Григорьевич.

О своей учебе на живописном отделении ВГИКа Леонид Кузьмов рассказывает: «Своих последних выпускников доучивали величайшие корифеи кинематографа: Бабочкин, Герасимов, Бондарчук, Белокуров, Головня, Кармен, Ромм... На художественном факультете генеральную стратегию задавал выдающийся советский художник Пименов. Моими главными наставниками были два замечательных мастера, два прекрасных художника – Геннадий Иванович Епишин и Петр Исидорович Пашкевич. Элегантные, всегда одетые, что называется, с иголки, оба прекрасно дополняли друг друга, составляя идеальный дуэт. Епишин – виртуозный рисовальщик, изобретательнейший сценограф и книжный график, энциклопедист, буквально поражал своей незаурядной эрудицией и тонким анализом литературного текста. Пашкевич покорял остротой композиционных решений, богатейшим опытом работы в кинематографе и, наконец, великолепным чувством юмора. Оба мэтра заразили меня своей любовью к композиции, научили основательно вынашивать тему, прежде чем выплеснуть ее в готовое изделие».

Очередная выставка работ Леонида Кузьмова проходила в феврале 2016 года в Москве.

Художнику повезло: его детство прошло на Чистых прудах, где никогда не закрывался храм архангела Гавриила, в бывшем Телеграфном переулке. Мальчиком он часто там бывал и с детства ощутил интерес к церковному искусству. «Человеческая душа, – считает художник, – если она не умерла, обязательно тянется к высокому». Как знать, может, картины художни-

ка и созданы, чтобы напомнить чьей-то душе о красоте.

На мой вопрос, каким образом он ощущает связь с церковным искусством и церковной жизнью, Леонид Кузьмов отвечает: «Мне интересно решать пластические задачи, я не выстраиваю глобальные философские системы. Ощущаю полет, когда рука сама пишет, поскольку не испытываю сопротивления материала».

Леонид Григорьевич по профессии кинематографист, художник кино, и картины его очень живые и динамичные, их можно додумать и дать развитие прописанному сюжету.

Больше всего он любит читать талантливые книги. Перечисляя любимых авторов, называет Александра Солженицына, Юрия Трифонова и Леонида Леонова, Константина Воробьева. Среди заинтересовавших художника современных книг и роман Людмилы Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик».

«Я очень люблю искусство, – говорит Кузьмов. – Когда встречаю талантливое произведение, мне становится на душе не просто легко и взволнованно-возвышенно, но хочется работать, я ощущаю душевный подъем и думаю, что не напрасно жизнь прожита».

Портреты Леонида Кузьмова приобретены многими музеями нашей страны, Союзом художников, Министерством культуры, российскими и зарубежными коллекционерами.

Ирина Ушакова

Архиепископ Мухей

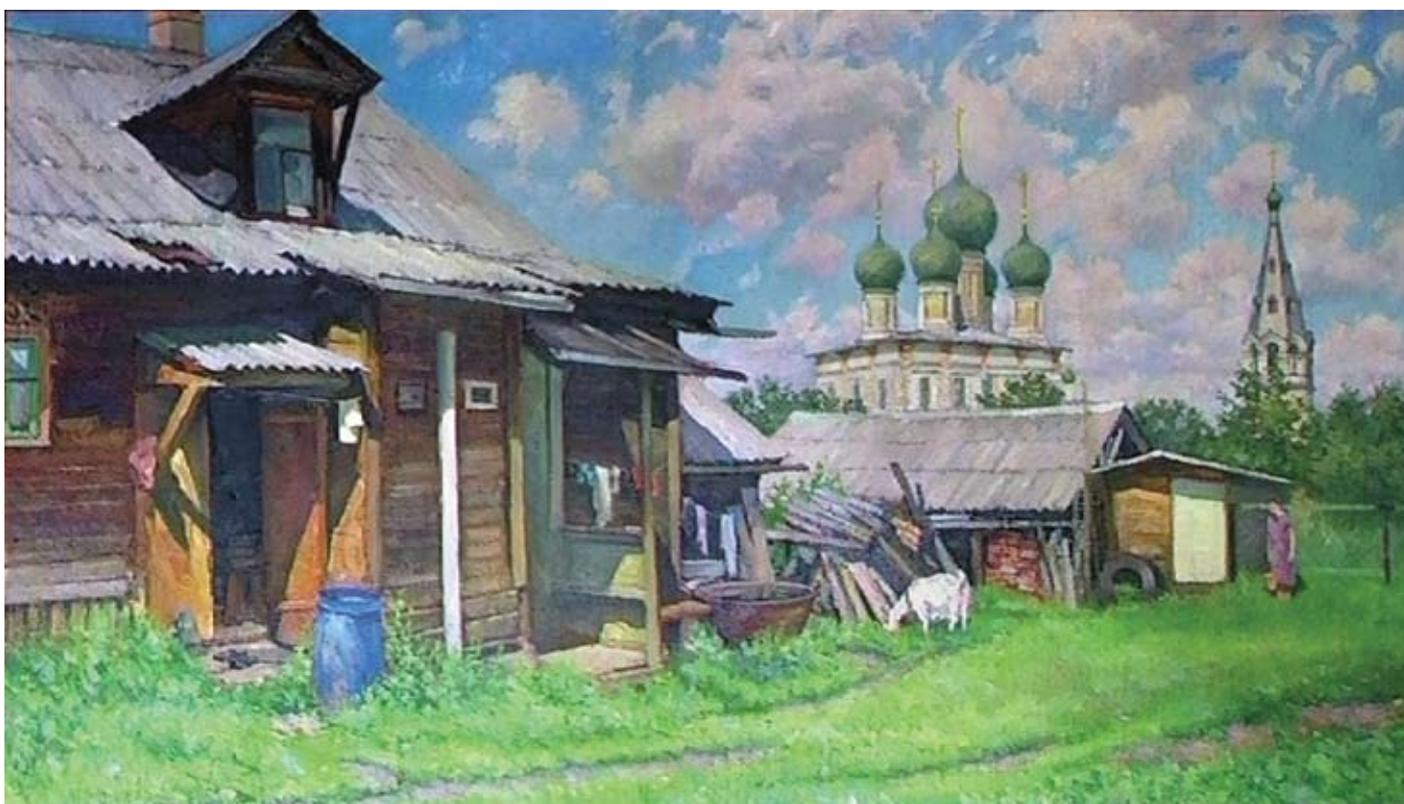
На Волге

Ждут

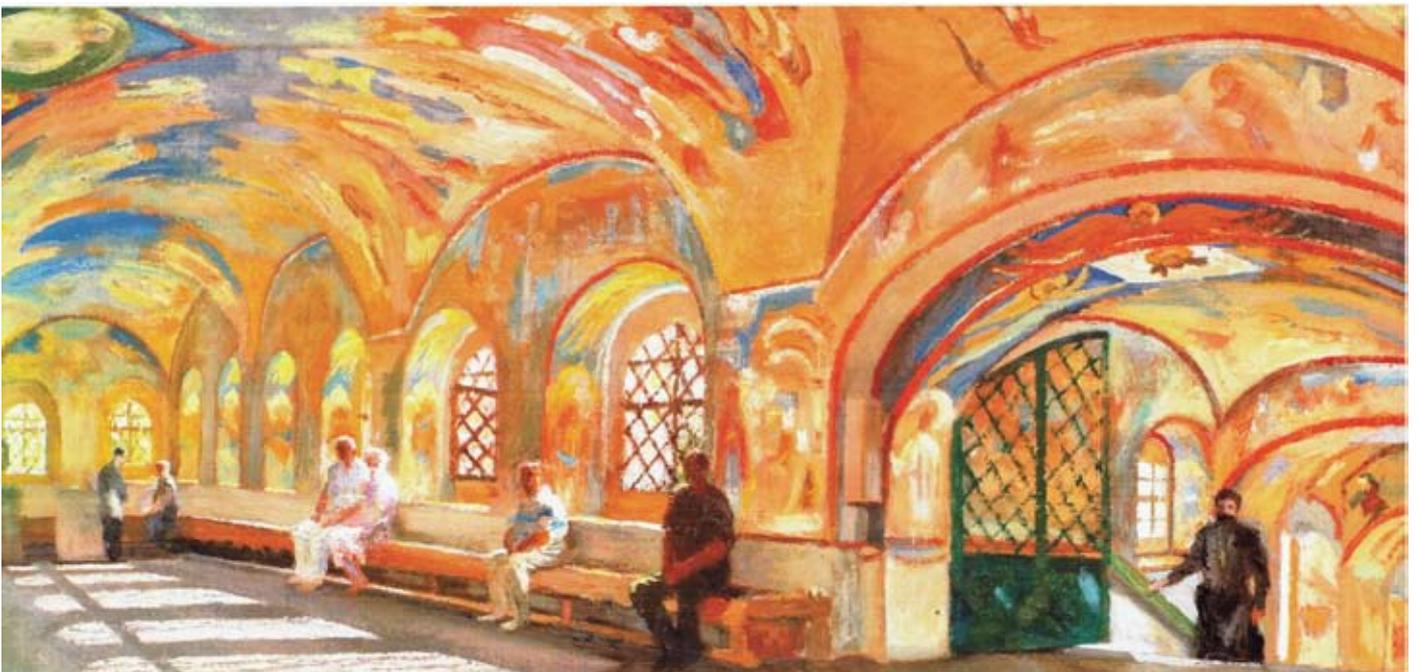
Автопортрет на чердаке

Тутаевский дворик

Осенним вечером

Западная галерея

ЛАМПАДА

В ВАШЕМ ДОМЕ

Подпишитесь на журнал для тех, кто стремится к Истине

ИЗДАНИЕ ХРАМА
ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ «ЗНАМЕНИЕ» В ХОВРИНЕ

Узнать о свежем номере и познакомиться с архивом журнала можно
на нашем сайте lampada-press.ru

Одобрено Синодальным информационным отделом Московского Патриархата
(Свидетельство № 228 от 10 декабря 2012 г.)

У нас опять «**НОВОСТЬ**». Мы вновь вынуждены отказаться от дорогой агентской подписки. Подписка на «Лампаду» будет проводиться только через редакцию.

Схема прежняя: деньги на телефон
8 (963) 962-5575 и НЕПРЕМЕННО СМС с фамилией и подробным адресом подписчика.

А теперь действительно **НОВОСТЬ**: подписка проводится на добровольные пожертвования, то есть цена не фиксированная.

ПРИЧИНА: журнал приносит убытки (около 100 рублей на каждом экземпляре). Поднимать цену не хотим. Заплатите, сколько сможете. **Благодарим.**

«ЛАМПАДА» продается в книжных лавках московских храмов:

Благовещения Пресвятой Богородицы в Петровском парке

Анастасии Узорешительницы в Теплом Стане св. мц. Татианы при МГУ

Воскресения Словущего на Успенском Вражке

Воскресения Христова в Сокольниках

Всех Святых Алексеевского женского монастыря; на подворье Патриарха Московского и всея Руси при храме прп. Алексия, человека Божия

Иверской иконы Божией Матери на Всполье

иконы Божией Матери «Знамение» за Петровскими воротами

Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь

прп. Алексия, человека Божия, б. Ново-Алексеевского монастыря

Рождества Пресвятой Богородицы в Крылатском

Троицы Живоначальной в Хорошеве

Троицы Живоначальной в Хохлах

Троицы Живоначальной в Орехове-Борисове

Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове

Сошествия Святого Духа на б. Лазаревском кладбище

Спаса Нерукотворного Образа в селе Котово

Сретенский ставропигиальный мужской монастырь

Тихвинской иконы Божией Матери в Алексеевском

Успения Пресвятой Богородицы на Успенском

Вражке

царевича Димитрия при Голицынской больнице

Троицы Живоначальной в Останкине

свв. апп. Петра и Павла на Новой Басманной

апостола Иоанна Богослова в Бронной слободе свт. Климента, папы Римского

Успения Божией Матери в Казачьей слободе

Книжный магазин «Книжница» Дома русского зарубежья

Новомучеников и исповедников Российских в Строгине

Всех святых во Всехсвятском

Всемиловитого Спаса в Митине. Патриаршее подворье

Рождества Христова в селе Рождествено (Митино)

Преображения Господня в Тушине

Иконы Божией Матери «Знамение» в Аксиньине

Прп. Сергия Радонежского в Бусинове

Троицы Живоначальной при бывшей Черкасской богадельне, патриаршее подворье

прп. Алексия, человека Божия в Крылатском

Богоявленский кафедральный собор в Елохове

Казанской иконы Божией Матери в Коломенском

Свято-Данилов ставропигиальный мужской монастырь

Донской ставропигиальный мужской монастырь

Воздвижения Креста Господня в Алтуфьеве

св. ап. Иоанна Богослова «под Вязом»

Воскресения Христова в Кадашах

свт. Иннокентия, митр.

Московского в Бескудникове

прп. Сергия Радонежского

в Крапивниках

ISSN 2225-0271

